МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.Н.ПОКРОВСКОГО
Исторический факультет
Кабинет Истории Средних Веков

На правах рукописи

Профессор Е.А.КОСМИНСКИЙ

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

В ы п у с к IУ

/ Лекции I4-I7/

Издание Сектора Заочного Обучения МГУ

МОСКВА
1936г.

„Прав 38"

D
8

495
36

Л Е К Ц И Я 14-ая.

Надо отметить еще войны Карла Великого с аварами. Аварское государство основалось на среднем Дунае в VI ст., где образовывались одно за другим государства аналогичного типа. Эта средне-Дунайская венгерская степь представляет окончание тех степей, которые тянутся через Азию, продолжаются потом в юго-восточной Европе в виде Причерноморской степи и заканчиваются на Среднем Дунае. В эту область Среднего Дуная пошли гунны и здесь основали свое государство. В VI веке место гуннов занимают авары, которые представляют также полукочевые племена, живущие пастушеским хозяйством и непрерывными набегами на соседей. Захват добычи, захват пленных, продажа их в рабство - постоянное занятие аваров. Авары нападают с одной стороны на Восточно-Римскую империю, с другой на восточную область франкского королевства, главным образом на соседнюю Баварию. Карл сделал несколько походов против аваров, во время которых он взял несколько аварских укреплений. Они жили в больших укрепленных лагерях. Аварские поселения, сравнительно небольшие, обносились целым рядом концентрированных валов. За этими валами они отсиживались от нападений, за ними же они хранили свою добычу. Карл взял большую добычу, тем самым нанес окончательный удар аварам, и в IX столетии аварское государство исчезает со страниц истории. В конце IX века на месте аваров в том же районе, в степях среднего Дуная, образуется новое государство из очень разноплеменных элементов, которые, подобно аварам, ведут пастбищное хозяйство и представляют собой угрозу для соседних стран. Они доходили до границ южной Италии и до Парижа. Таким образом, здесь мы видим смену трех своеобразных полукочевых разбойничьих государств. Дальнейшие мероприятия Карла были направлены на северо-восток, против славян. Славянские племена занимали всю восточную Германию до Эльбы, даже отчасти переходили за Эльбу. К юго- западу, между Эльбой и Одером, находились владения сорбов или сорабов, с которыми еще раньше германским племенам пришлось вести долгую и упорную борьбу. В результате походов Карла пограничные славянские племена признали свою вассальную зависимость от франкского королевства. Все они выплачивали Карлу дань и, кроме того, обязывались поставлять вспомогательные войска для защиты границ. Карлом был организован ряд марок, т.е. укрепленных пограничных областей. На месте Аварского королевства он устроил так наз. Паннонскую марку.

затем т.н. Восточную марку на Дунае, из которой потом развилось Австрийское герцогство, Сербскую марку для защиты от сербов. Затем Карлу пришлось вести борьбу с датчанами и им была основана Датская марка. Об Испанской марке уже было сказано. Затем нужно упомянуть Бретонскую или Британскую марку. Во время завоевания саксами Британии она была колонизирована бриттами или британцами, и здесь в Бретани было образовано кельтское государство, которое отличалось своеобразным строем. До настоящего времени бретонцы типом своим, а частью и языком совершенно отличаются от остальных французов. Бретань сохранила независимость, и в качестве пограничного пункта против нее была основана так наз. Бретонская марка. Префектом этой Бретонской марки и был знаменитый Роланд, герой рыцарского эпоса. Чтобы покончить с вопросом о внешней политике Карла, надо еще упомянуть о столкновениях с датчанами.

IX век- время ожидания морских экспедиций датчан и норвежцев и усиления их колонизационной деятельности. Датчане, которые главные свои удары направляли против Британии и Ирландии, опустошали также и берега франкского королевства. Но это только начало датских и норманнских набегов, которые потом, в следующий период, в IX и в начале X столетий, составили целую эпоху в истории тех государств, которые образовались на месте франкского королевства. Во всяком случае и в эту эпоху для защиты от них Карлу Великому пришлось организовать марку и затем перейти к созданию военного флота для охраны берегов. Мы видим, что франкское королевство занимает теперь большую часть Западной Европы, не только всю Францию, но всю тогдашнюю германскую область, заселенную племенами, говорящими на германских языках. Кроме того, Карл переходит за Эльбу, захватывает часть славянских областей, занятых прежде аварами, затем занимает северную Италию, причем папские владения являются вассальным государством франкского короля. Равным образом и Беневентское герцогство в южной Италии признало свою зависимость от франкского короля. Только области Апулии, Калабрии и Сицилии находятся под властью византийского императора. Это огромное государство создавалось постепенно. Карл только завершил его создание. Но это государство отличалось чрезвычайно слабой внутренней связью. Оно кажется современникам, и у нас часто получается неверное представление, что на месте слабых разоренных организмов, из которых прежде состояло франкское королевство, образуется огромное, сильно-централизованное государство, объединенное под властью единого короля. Но отдельные час-

ти королевства продолжали в значительной мере жить своей особой жизнью. Карлу в 781 году пришлось поделить империю на несколько частей. Лангобардская Италия была передана сыну Карла Пипину, другому сыну, Людовику, была отдана Аквитания. Карлу все время приходилось подавлять восстания, возникавшие в тех или иных районах. Вся деятельность Карла заключается в судорожном стремлении к тому, чтобы сохранить единство государства. Законодательство Карла количественно во много раз превосходит законодательство предыдущих франкских королей. Все его многочисленные законы наполнены постоянной заботой о том, как удержать в своих руках расползающееся по всем швам огромное государство, созданное благодаря усилиям австразийских майордомов. Это государство вслед за полным развитием феодализма, вслед за окончательным подчинением массы свободного населения крупным землевладельцам, опять начинает распадаться на свои составные части. Крупное землевладение, захватившее политическую власть и подчинившее себе свободное крестьянство, разлагает его все время изнутри.

Усилия Карла и его единомышленников, направленные на то, чтобы удержать это, на первый взгляд грозное и крепкое, королевство, неизбежно приводила к его дальнейшему распаду и разложению. Это был поистине колосс на глиняных ногах, об"единение, носившее в самом себе зерна распада.

Карл Великий приложил все усилия к тому, чтобы увеличить авторитет своей власти, усилить международное положение франкского королевства. Карл поддерживал сношения и с Восточной Римской Империей и с арабским халифатом. Халиф Харун-ар-Рашид обменивается с ним два раза посольствами, дает ему целый ряд привилегий в Палестине. Саксские князья приносят свои споры на его рассмотрение. Мы видели уже его сношения с северо-испанскими княжествами и об"единение с ними для борьбы с арабами. Среди славянских племен имя Карла было синонимом грозной силы. Само славянское слово" король" образовалось из имени Карла, т.к. для славян оно стало синонимом высшей власти. Карл всячески стремился усилить политическое значение королевской власти во франкском государстве. Поэтому он принял в 800 году императорский титул. Этот титул должен был, с одной стороны, повысить международное значение франкского короля, а с другой, увеличить его власть и авторитет в самом франкском королевстве. Карл собирался получить этот титул от византийских императоров и в этом смысле начал с ними переговоры, но провозгласил его императором несколько неожиданно

папа, который хотел повысить этим свой авторитет.
25 декабря 800 г., когда Карл был в Риме, папа возложил на него корону во время торжественного богослужения в соборе св. Петра и провозгласил его императором, что вызвало, по словам летописца, восторг собравшегося народа, который приветствовал его криками: "Пусть живет и побеждает Карл-Август, коронованный великий миротворец империи". Но Карл, выходя из собора св. Петра, с неудовольствием заявил, что если бы он знал, что с ним случится что-либо подобное, он никогда не вошел бы в эту церковь. Историки думали, что это просто выражение официальной скромности, на самом же деле это могло быть выражением досады, что папа, которого Карл считал своим вассалом, помимо его желания поторопился провозгласить его императором, между тем как Карл рассчитывал получить этот титул от императора Восточно-Римской Империи. Византийская империя его сначала не признавала. Только в 812г., за два года до смерти, Карл получил признание от византийского императора, Михаила. Таким образом, Карл по титулу становился равным византийскому императору. В этом смысле они обменялись грамотами, как владельцы Восточной и Западной Римской Империи. Произошло как бы восстановление Римской Империи на Западе. Но это восстановление ограничилось лишь формальным моментом- принятием титула. Империя Карла Великого ни по своей структуре, ни по своему историческому происхождению ничего общего с Западной Римской Империей не имела. Титул императора дал возможность Карлу повысить свой авторитет в самом франкском королевстве, он потребовал от своих подданных новой присяги. Эта присяга несколько раз повторялась в течение царствования Карла.
Но это повторение скорее свидетельствует о том, что власть не обладала достаточной силой, так как, очевидно, старая присяга являлась недостаточной. Кроме того, титул императора сделал Карла главой церкви. Укрепление власти Карла повело одновременно к укреплению его положения, как главы церкви. Правда, он и до этого времени считал себя главой церкви. Официально епископские места были выборными, но Карл Великий представлял кандидатов, которые должны быть выбраны, сохранив за собой право утверждения епископов, а иногда даже не прибегал и к формальностям в смысле представления кандидатуры, а просто назначал того или иного человека на епископский престол. Карл стремился сделать церковь своим послушным орудием и сделать епископов своими чиновниками. Епископы стали нести ряд политических функций в королевстве, и при их посредстве Карл укрепляет свою власть над населением. Сакральный церковный характер императорской власти является не последним средством, при помощи которого

Карл стремился укрепить свое влияние.

Рассмотрим теперь те внутренние перемены, которые произошли во Франкском королевстве благодаря реформам Карла. Начнем с реформы военного дела, поскольку оно занимало центральное место среди его мероприятий. В течение своего царствования Карл совершил около 60 походов, половину их он провел лично. Войны не прекращались почти ни на один год. Это было непрерывное военное положение, которое вызвало и необходимость в соответствующих мероприятиях. При этом надо прежде всего упомянуть, что те доходы, которыми император располагал для ведения войны, были крайне незначительны. Это были по преимуществу натуральные доходы, затем кое-какие сборы, отчасти в деньгах, и, наконец, доходы с поместий, которые отчасти использовались и на военные цели. В финансовой системе Карла немалую роль играла просто добыча, взятая у неприятеля, и это был один из финансовых ресурсов казны. Поэтому походы, помимо захвата земель или защиты границ, преследовали иногда еще прямую цель захвата добычи. В основном военное дело базировалось на натуральных повинностях населения. Каждый крестьянин обязан нести военную службу, должен был являться на войну вооруженным, иметь при себе щит, копье или меч, лук, 12 стрел и некоторый запас продовольствия.

Еще в Меровингскую эпоху эти натуральные повинности делаются непосильными для свободного крестьянства, которое разорялось в результате военных усобиц. Непрерывные войны Карла в отдаленных местах, должны были окончательно разорить и истощить крестьянство. Свободному крестьянину, имеющему нормальный крестьянский надел в один манс, стало уже не под силу отправляться на войну. И законодательство вынуждено с этим считаться. Поэтому капитулярий 808 г. устанавливает, что только владелец трех мансов, т.е. средний землевладелец, владения которого равны трем нормальным крестьянским наделам, должен лично отправляться на войну в полном вооружении. Что касается владельцев двух мансов, то на войну должен отправляться один из двух владельцев. Один снаряжает другого на войну. Владельцы одного манса складываются по-трое. Владельцы половинных мансов складываются впятером или вшестером, чтобы отправиться на войну. Эти законодательные мероприятия свидетельствуют о том, что для владельца одного манса, для простого крестьянина-франка военное дело оказывается не по силам. В капитуляриях Карла Великого мы находим указания на то, что свободное население всеми силами стремится избежать военной службы. Капитулярии указывают на то, что многие посвящают себя богу, т.е. уходят в священники или

монахи, лишь бы не служить на военной службе. Кроме того, свободные крестьяне массами подчиняются крупным землевладельцам/ епископам, аббатам, даже королевским графам/, чтобы только избежать военной службы. Стремление избежать военной службы является одним из факторов, вызывающих подчинение крестьянства крупному землевладельцу. Один из капитуляриев говорит, что бедняки жалуются на то, что если кто-нибудь из них не хочет отдать свою собственность епископу, аббату, графу или сотнику, то эти последние сдают его на военную службу, а те, кто во время отдал свое имущество, те спокойно сидят дома. В конце концов, разоренный, доведенный до нищеты свободный крестьянин отдает или продает свое имущество крупным землевладельцам. Так, военная повинность в руках непосредственных слуг короля делается своего рода принудительным средством подчинения себе свободного крестьянина. Затем капитулярии жалуются, что графы освобождают людей от военной службы за деньги. Королевские чиновники сами содействуют этому процессу разорения крестьянства, уклонению его от военной повинности и превращению его в зависимое крестьянство.

Стало быть, постоянные войны Карла вели к усилению порабощения крестьянства крупными землевладельцами, королевскими чиновниками, графами и епископами. Основная франкская военная сила - свободное крестьянство, уже значительно подтаявшая в эпоху Меровингов, теперь окончательно исчезает и в тех районах, где оно дольше сохранилось, например, в Австразии, в завоеванной стране саксов. Теперь все больше и больше приходится опираться на ту новую военную организацию, которая создавалась еще в эпоху Меровингов, т.е. на крупных землевладельцев и на их частные военные дружины. Королевские вассалы, которые были посажены на земли, взятые у церкви, представляют немалую силу, но основную военную силу франкского королевства в эпоху Карла составляют дружины магнатов, как светских, так и духовных, и мы видим, что аббаты и епископы также являлись на военную службу со своими вассалами, держащими от них бенефиции. Тем самым чрезвычайно укрепляется и военная сила и военное могущество крупных землевладельцев. Для того, чтобы использовать их, как военную силу, Карл обращается к ним лично, предписывает им явиться на войну во главе своих людей. Крупный землевладелец, таким образом, делается официально-признанным главой своего военного отряда. Для того, чтобы усилить военную мощь, приходится увеличивать власть крупных землевладельцев над вассалами. Вассал, который прежде имел возможность свободно уйти от своего сеньера, теперь до известной степени прикрепляется к сеньеру, устанавливается ряд ограничений для его ухода, поскольку вассал

представляет собой военную единицу, на которую рассчитывает королевская власть. Таким образом, усиливая свою военную мощь, организуя силы сеньеров, как одну из основ военной организации, государство тем самым усиливает власть сеньеров над их людьми и еще более подготовляет предстоящий распад государства на крупные сеньерии. Привлекая на свою службу крупное землевладение, королевская власть одновременно усиливает его власть над рыцарством и, тем самым, создает себе опасного соперника. Ополчение высшего класса отличается от крестьянского и своим вооружением. Рыцарь, являвшийся владельцем нескольких мансов, живущий эксплоатацией крестьянского труда, должен был являться не только со щитом, копьем и мечом, но и в броне и в кольчуге. В это время входит во всеобщее употребление кольчуга, которая покрывала все тело и защищала рыцаря от ударов. Эта кольчуга, сравнительно дорого стоившая, была не под силу простому крестьянину- воину, ее мог приобрести только рыцарь со значительным достатком. Это создавало большую разницу в бою между простым крестьянским воином и сидящим обыкновенно на коне, покрытым кольчугой рыцарем-всадником. Сравнительно небольшое количество таких всадников могло изрубить или обратить в бегство большие отряды пехотинцев, вооруженных лишь копьями и щитами.

Разорению свободного крестьянства содействовала, кроме тех общих причин, на которых я уже много раз останавливался, еще и судебная реформа Карла. Для крестьян делается необязательным посещение судебных собраний сотен, на которых разбирались все дела, возникавшие в пределах сотни, - как имущественные споры, так и уголовные дела. Графы превращали повинность посещения судебных собраний в одно из средств вымогательства и разорения крестьян. Они устраивали слишком часто судебные собрания, отрывая крестьян в самый разгар их работы, и штрафовали всех неявившихся. Законодательству Карла приходится вмешаться и в это дело и освободить массу свободного крестьянства от посещения этих собраний, по крайней мере, сделать обязательными лишь два посещения в год. С другой стороны, для того, чтобы облегчить судопроизводство, была создана особая коллегия так называемых скабинов/термин, который потом появляется в истории средневековья в разных формах: по немецки-шефены, по французски-эшевены/. Эти скабины являются наиболее влиятельными землевладельцами данной сотни и делаются постоянными судебными заседателями. Свободное крестьянство, таким образом, отстраняется от суда, и судебные функции поручаются только верхушке, а суд принимает теперь определенно выраженный классовый

характер. Нужно признать, что облегчение, которое было дано крестьянству в виде необязательного посещения собраний сотни, свидетельствовало, что социальное значение этого класса все больше падает и что суд делается теперь орудием высших классов.

Таким образом, все эти мероприятия: облегчение военной службы, облегчение судебных повинностей сводятся к тому, что крестьянство, с одной стороны, разоружается с другой, лишается влияния в суде. Свободное крестьянство утрачивает свое политическое значение, которое оно еще до некоторой степени сохраняло до эпохи Каролингов. Нельзя сказать, чтобы крестьянство пассивно относилось ко всем этим повинностям, чтобы оно беспрекословно позволяло себя обирать королевским чиновникам и подчинять себя крупным землевладельцам. В некоторых документах Карла Великого встречаются упоминания о непокорности крестьян, но подробности нам неизвестны. Несколько выразительнее мероприятия Карла, которые направлены против т.н. заговоров - coniurationes рабов и свободных. Эти тайные союзы возникали среди крестьян для сопротивления насилиям крупных землевладельцев. Эти попытки вызывают решительные мероприятия со стороны королевской власти, заговоры или тайные союзы жестоко преследуются.

Если мы посмотрим, как была организована при Карле Великом центральная власть, то увидим, что наиболее ярко выступает преобладание крупного землевладения и зависимость короля от крупного землевладельца. Вся та пышная внешность, которой обставлялась императорская власть, все восхваления историков-панегиристов Карла, являются лишь внешней оболочкой, скрывавшей зависимость Карла от крупных землевладельцев, без согласия которых император не мог предпринять ни одного важного решения. Правда, у императора был свой двор, свой штат придворных и чиновников, через которых он как будто бы вел управление. Во главе этого штата чиновников стоял т.н. comes palatii или пфальграф. Эта должность соответствовала майордому при Меровингах. Но должность майордома еще оставалась, он был военным предводителем, который заменял императора, в его руках были финансовые средства короля и прежде всего земельные раздачи. Затем большую роль играл в управлении еще архикапеллан, высшее духовное лицо при императоре. Через него проходили все церковные дела, имевшие большое политическое значение. Во главе королевской канцелярии стоял протонотарий, которому был подчинен целый ряд нотариев или писцов. Но это был деловой аппарат, а направление деятельности этого аппарата и королевской власти зависело от universalis conventus, что дословно значит - общее собрание. Но эти собрания были уже не общими, а пред-

ставляли совет крупнейших землевладельцев империи, куда входили епископы, архиепископы, графы, крупнейшие светские землевладельцы, и где подвергались рассмотрению всевозможные политические мероприятия, которые уже потом получали силу закона. Без утверждения этого собрания магнатов ни один капитулярий Карла не вступал в силу за исключением таких капитуляриев, как капитулярий о поместьях, поскольку он касался личных поместий императора и являлся не столько законодательным актом, сколько инструкцией управляющим поместьями. Но ни одно военно-политическое мероприятие не могло вступить в жизнь без одобрения магнатов. С магнатами обыкновенно прибывала их свита и universus conventus производил впечатление большого с"езда народа, но это была именно свита магнатов, не имевшая, конечно, влияния на ход дела, король совещался лишь с самими магнатами. Результатом деятельности собраний магнатов было огромное количество капитуляриев-законов, которые появились в царствование Карла. В собрании капитуляриев франкских королей капитулярии эпохи Карла занимали первое место по количеству и, пожалуй, первое место по разнообразию вопросов, которых они касались. Все вопросы управления поместьями нашли в них свое отражение. В них постоянно повторяется одно и тоже требование, настойчивое стремление Карла и окружающих его магнатов добиться подчинения от подданных, добиться неукоснительного выполнения этих капитуляриев. Нас поражает, что целый ряд капитуляриев посвящен одному и тому же вопросу. Но эта настойчивость создает у читателя впечатление бессилия королевской власти справиться со своими подданными.

Капитулярии разделялись на три вида: капитулярии per se scribenda, которые сами по себе были законом, затем legibus addenda, это-прибавления к варварским правдам. Почти у каждого из германских племен, входивших в состав империи, была своя варварская правда. В эти правды в эпоху Карла Великого вносится ряд дополнений, а несколько правд создаются в это время, например, особая правда для саксов, для англов и тюрингов, затем масса прибавлений к старым правдам, касающихся тех перемен, которые вносила королевская власть, особенно в судоустройстве. Наконец, capitula missatica - капитулярии посланцев, представлявшие инструкции государевым посланцам - missi dominici /о них ниже/.

Теперь перейдем к областному управлению. В нем был проведен ряд реформ. Была проведена централизация местного управления в том смысле, что некоторые области, например Бавария, потеряли свою автономию, а власть самостоятельных герцогов в них была уничтожена.

То же самое было произведено и в других германских областях, где были самостоятельные герцоги. Таким образом, вся империя была разделена на 300 округов или герцогств, во главе каждого из них был поставлен королевский чиновник, граф. Графов мы видели еще в эпоху Хлодвига и Салической правды. Я указывал, какую самостоятельность имели графы, как представители крупного землевладения. Капитулярий 614г. устанавливает, что графы могут выбираться только из числа местных крупных землевладельцев. Карл Великий стремился контролировать деятельность графов и направлять ее в русло королевских интересов. Между тем фактически графы постоянно нарушают эти интересы. Графы стремятся использовать свое положение для усиления своего имущества, для увеличения своих земельных владений, для подчинения себе местного населения, для выкачивания налогов в свою пользу. Вся деятельность Карла в области местного управления носит характер безнадежной борьбы с этими хищниками, с превращением их из королевских чиновников в независимых феодалов. Он делает попытки смещения графов, заменяет их рыцарями из новых людей, не имеющих связей с данным графством, но это ничему не помогало. Как только на должность графа вступал рыцарь, зависящий от короля, немедленно и он начинал грабить не хуже своего предшественника, наживаясь за счет населения, и делался вскоре влиятельным и сильным человеком в своем графстве.

Для контроля над графами издается ряд капитуляриев. Капитулярии предписывают графам не хватать людей без суда, не приходить на заседания с переполненным желудком, не притеснять свободных людей, не брать взяток, не отнимать имущества у бедных, не присваивать себе прав, принадлежащих королю. Эти предписания яркими красками рисуют характер деятельности графов. Они не только занимаются притеснениями, но, повидимому, в нетрезвом виде являются на заседания и там соответствующим образом ведут себя. Например, один из писателей эпохи Карла, приближенный Карла, очень близко принимавший к сердцу его интересы, Алкуин называет графов не "judicatores", а "praedatores", т.е. не судьями, а грабителями. Это прозвище было ими заслужено. Центральная власть пытается осуществлять постоянный контроль над графами путем посылки так называемых государевых посланцев. Для них издавались особые капитулярии - "capitularia missatica", в которых указывались пункты, по которым они должны проверять деятельность графов, и мероприятия, которые они должны провести по графству. Такие посланцы посылались обычно по -двое,

один духовное, другой светское лицо. Эти missi должны были собирать общее собрание на месте, куда они приезжали, и выслушивать жалобы на графа, а потом соответствующим образом подвергать его наказанию или, если он заслуживал, то и поощрению. Последнее было, очевидно, довольно редко. В то же время missi ревизовали и устройство церкви, а также проверяли состояние королевских поместий. Эти missi оставили довольно интересные памятники. Так, один из них, Теодульф, епископ Орлеанский, был поэт и в стихотворной форме описал одну из своих поездок. Он поехал в южную область франкского королевства с самыми лучшими намерениями. Когда он приехал в один из городов и собрал общее народное собрание, получился совершенно неожиданный эффект, который, повидимому, очень ярко характеризует, чем занимались посланцы, приезжавшие раньше. Все явились с подарками, приносили золото, монеты или дорогие сосуды, даже бедняки вместо жалоб на графа приносили хлеб, овощи. Очевидно посланцы занимались просто тем, что обирали население от имени короля. Из этого описания можно видеть, что деятельность миссов не всегда достигала должного результата, что они сами обирали население, пользуясь положением королевских чиновников. Чиновничество становилось новым дополнительным бременем для населения, которое было обязано их кормить. Население обязано было давать королевским чиновникам лошадей и ночлег во время их об"ездов. Чиновники требовали гораздо больше того, что им полагалось брать с населения. Эти поборы и злоупотребления посланцев во время их об"езда вызывали ряд крестьянских волнений. Таким образом, вся система местной администрации совершенно не достигала цели, которую ставила королевская власть. Это были не столько органы короля, сколько органы феодализации франкского королевства. Органы местного управления, в конечном счете, сами становились крупными феодалами. Граф /впоследствии это феодальный титул/ в эпоху Хлодвига мог быть из числа королевских рабов, вольноотпущенников, но в эпоху Меровингов он делается уже весьма крупной фигурой. Карл пробует низвести его на положение королевского чиновника, но это кончается полнейшей неудачей. Графы стали передавать свою должность в наследство.

Финансовой организации франкского королевства мы коснемся мимоходом. Центром финансовых ресурсов королевской власти были личные поместья короля. Государственное и частное имущество не было разделено. Знаменитый capitulare de villis рисует натуральную хозяйственную организацию королевских поместий. Целью капитулария было обратить все

доходы королевских поместий на нужды короля. В этом смысле капитулярий представляет собой очень интересный памятник. Его предписания показывают, что доходы с королевских поместий шли не в пользу короля, а в чью-то другую, вероятно в пользу тех чиновников, которые были поставлены во главе целых округов, в которых имелись королевские поместья, эти "judices", очевидно, злоупотребляют своим положением королевских слуг. Впоследствии из слуг короля, которым поручалось управление королевскими поместьями, вырастают феодалы. Поместья делаются постепенно их достоянием, они превращаются в вассалов короля, они уплачивают ему только часть доходов.

Это положение лишь отчасти отражается в капитулярии, особенно в первых его строчках, которые дали Допшу основание приписывать его не Карлу Великому, который будто бы обладал достаточной силой для того, чтобы заставить себя служить своих министериалов, а Людовику Благочестивому, сыну Карла, с 771 г. бывшему королем Аквитании. Король был еще малолетним, и в его малолетство эти judices будто бы и присвоили себе его доходы. Но нам нет надобности в такого рода предположении, потому что злоупотребление теми правами, которыми пользовались должностные лица, были всеобщим явлением и во время Карла. Можно думать, что далеко не все то, что предназначалось для короля, действительно попадало в его руки.

Капитулярий о виллах является для нас одним из важнейших источников для характеристики королевских поместий. Конечно, не нужно все его предписания понимать буквально. Перечисление всевозможных ремесленников, которых нужно иметь в каждой вилле, начиная с золотых дел мастеров и кончая плетельщиком сетей, перечень всех тех растений, которые нужно иметь в каждой вилле, конечно, не доказывает того, что все эти ремесленники и все эти растения находились в каждой вилле. Это лишь пожелание. Из документа, который представляет собой образец того, как надо составлять описи королевских и церковных поместий

(Brevium exempla ad describendas res ecclesiasticas et fiscales)

видно, что далеко не в каждом поместье находилась вся необходимая утварь, все необходимые ремесленники, чтобы поместье могло само себя обслужить. Часто одно поместье занимает у другого инструменты, даже людей, но все же, основные нужды поместья обслуживаются своими силами. Карл Великий упоминает в одном из своих капитуляриев, что поместье должно иметь у

себя весь инструментарий, чтобы не приходилось его брать в долг. Мы видим определенно выраженную замкнутую натурально-хозяйственную организацию, которая стремилась обслуживать себя своими силами. Из других источников той эпохи, например, из Полиптиха аббата Ирминона видно, что потребность господского двора в ремесленном труде удовлетворялась путем натуральных взносов, которые шли с крестьянских наделов. Этот натуральный характер хозяйства поместья не нарушается некоторыми упоминаниями о рынках, о продаже и покупке хлеба и других продуктов. Это только продажа излишков. Основное назначение королевских поместий -об этом капитулярий говорит совершенно отчетливо- служить потребительским интересам королевского двора в первую очередь.

Равным образом, покупки носят характер экстренных покупок того, что не производится в поместье, как правило. Это и было одним из мотивов, заставивших Допша и его последователей по возможности ограничить сферу действия капитулярия. Считая, что эпоха Меровингов и Каролингов была эпохой денежного хозяйства, он пытается умалить значение источника, на котором базируются наши представления о натуральном хозяйстве этой эпохи. Если раньше считали, что капитулярий дал новую организацию королевских поместий, разбросанных по всей империи, и что эта организация послужила образцом для всех крупных землевладельцев, то Допш старается всячески ограничить сферу деятельности этого капитулярия. Он предполагает, что капитулярий относится к небольшой группе поместий, которые вынуждены были служить для королевского стола. Кроме того, Допш старается уменьшить его территориальную значимость, утверждая, что он относится только к Аквитании и был издан Людовиком Благочестивым, когда он был королем Аквитании. Аргументы, которые приводит Допш, неубедительны. Но вопрос, им поставленный, требует более детального рассмотрения.

-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-

Л Е К Ц И Я 15-ая.

При характеристике экономического строя франкского королевства в эпоху Карла Великого возникает ряд спорных вопросов, разрешить которые окончательно едва ли удастся по состоянию наших источников, носящих очень отрывочный характер. Но все же наука имеет достаточно данных для того, чтобы дать общую методологическую характеристику экономики данной эпохи. Основной вопрос, который здесь возникает - это вопрос о том, в какой мере крупное феодальное поместье играет решающую роль в экономике и социальном строе того времени. Ряд исследователей, и между ними Допш, утверждают, что крупное феодальное поместье во всяком случае далеко еще не заполняло социального содержания эпохи. Между тем, старая теория, которая господствовала в конце XIX века, т. наз. вотчинная теория, рассматривала эпоху Каролингов, как эпоху всеобъемлющего господства крупного феодального поместья, образец которого дан в капитулярии о поместьях. Этому капитулярию придавалось особое значение не только документа, который свидетельствует о господстве крупного феодального поместья, но который вносил в то же время и новый поместный строй во владениях императора, причем за императором следовали и крупные землевладельцы, светские и в особенности духовные. Признание определяющей роли феодального поместья нередко связывалось, особенно у немецких исследователей, в частности у крупнейшего из историков-экономистов Средневековья Инама-Штернегга, с идеализацией поместья. В этом воззрении сказывалась идеология прусских юнкерских кругов.

Феодальное поместье - Grundherrschaft - по утверждению немецких историков вносило в экономическую культуру более высокую технику и более высокие принципы социальной организации и дисциплины. В то же время это крупное феодальное поместье сыграло огромную цивилизующую роль. Особенно это относится к церковному поместью. Церковные владельцы, получая во владение необработанную землю, заросшую лесами, производили расчистку этих лесов, обращали их под обработку и, таким образом, содействовали внутренней колонизации, заселяли ранее пустующую землю. Наконец, они сыграли огромную роль в прокладывании путей немецкой культуре на Восток, в земли славян. Монастыри были передовыми застрельщиками этой колонизации. По мнению сторонников вотчинной теории, именно эпоха Каролингов была временем, когда сложилось господство крупного феодального поместья, которому принадлежала решающая роль в хозяйственной и культурной

истории. Все явления, связанные с дальнейшим экономическим и социальным прогрессом, выводились ими из феодального поместья. Так например, появившиеся вскоре после каролингской эпохи, на горизонте истории, города выросли из крепостных поместий; население городов-это крепостные, которые постепенно освобождаются в силу разных причин, о которых скажем ниже. Ремесла, разделение труда создались впервые в сколько-нибудь широком масштабе в крупном феодальном поместье. При этом, сторонники вотчинной* теории указывали на то, что цеховая организация, которая характерна для ремесла в более поздную эпоху, в основном создавалась уже в феодальном поместье, что уже в эпоху Карла, по крайней мере в императорских поместьях и в поместьях крупных землевладельцев, на господском дворе было такое большое количество ремесленников, что они были если еще не окончательно организованы в цехи, то во всяком случае делились на определенные организации по профессиям, причем существовали даже мастера/магистры/, которые стояли во главе каждой организации. Словом, поместье представляет собой такую ячейку, в которой уже было заключено все дальнейшее экономическое и культурное развитие Средневековья. Вотчинная теория (*grundherrliche Theorie*) являлась господствующей в конце XIX века. Все крупные историки-экономисты-Инама-Штернегг, Лампрехт, Виноградов-разделяли эту теорию. Но она стала подвергаться сильным нападкам с конца XIX в. Первая брешь была пробита в вопросе о происхождении города. Ряд исследователей, из которых надо назвать на первом месте крупнейшего из современных германских историков-экономистов Георга фон-Белова, доказывали, что происхождение городов далеко не так просто, как это представляет себе вотчинная теория. Вопрос о происхождении городов-действительно, наиболее уязвимая сторона вотчинной теории, и здесь она раньше всего получила сильный удар. Но и теория Белова, по которой город возникает из свободной общины в противоположность крупному поместью, далеко не является общепризнанной. Вотчинная теория подверглась критике и с другой стороны. Ряд исследователей, и на первом место Каро, показали, что далеко не все крестьянство, по крайней мере каролингской эпохи и ближайших столетий, было поглощено крупным феодальным поместьем, далеко не все средневековое крестьянство было превращено в крепостных, что в ряде стран и местностей мы можем наблюдать весьма значительные прослойки свободного крестьянства, не входившего в состав крупного поместья. Каро изучал главным образом Швейцарию.

Затем он указывал, что надо иметь в виду не только крупное феодальное поместье, но что рядом с ним существует значительный слой мелких поместий, игравших важную роль. Ряд других исследователей, из которых на первом месте надо назвать Зеелигера, указывали еще на то, что само представление о феодальном поместье у сторонников вотчинной теории было значительно упрощено, что сама вотчина представляла собой весьма сложное явление, что рядом с крепостным крестьянством даже внутри самой вотчины существует крестьянство свободное, лишь внешним образом связанное с вотчинной организацией. Имеются затем значительные слои всякого рода бенефициариев, людей другого сословия, министериалов данного поместья, лишь феодально зависимых от данного господина, но не являющихся крепостными и связанных сравнительно слабо с поместной организацией. Не существовало и общего поместного права, о котором говорила вотчинная теория.

К противникам вотчинной теории принадлежит и Допш, который старается доказать, что поместье не играло решающей роли, что свободное крестьянство продолжало существовать в каролингскую эпоху, что развитие поместий даже не подорвало свободного крестьянства. Об этом свидетельствует огромное количество монастырских земель в эпоху Каролингов. Если земли монастырей держат крестьяне, то очевидно, крестьянство еще многочисленно. Допш утверждает, что эти держания не увеличивали, а уменьшали значение крупного поместья. Он указывает, что крестьяне держали землю, на основании precariae remuneratoriae, т.е. когда отдающий земли крестьянин получал участок земли большего размера, чем тот, который он отдавал монастырю, и Допш старается доказать ссылками на источники, что монастыри даже разорялись от держаний, которые им давали крестьяне, потому что они вынуждены были отдавать за них больше.

Конечно, это неверно, поскольку человек, получивший прекарий, переставал уже быть свободным собственником и превращался в зависимого от монастыря или крупного землевладельца человека, платящего феодальную ренту. С другой стороны, нужно отметить, что монастыри, как правило, давали в виде прекариев земли необработанные, земли, по крайней мере отчасти, покрытые лесом, требующие обработки и, таким образом, прекаристы должны были обращать под обработку ранее невозделанную землю. В результате этого площадь земли, находящейся под обработкой, возрастала. Монастыри получали новые доходы и у них увеличивалось количество зависимого населения. Таким образом, монастыри могли осуществить ту цивилизующую роль, о которой говорила вотчинная теория. Допш не выдерживает этой своей точки зрения относительно подчинен-

ной роли феодального поместья и роли свободного крестьянства в культурном прогрессе той эпохи. Симпатии влекут его к крупному поместью, и его знаменитый тезис о вотчинном капитализме, который часто не совсем правильно истолковывается и который в другом смысле употреблен в книге Д.М.Петрушевского, гласит, что крупное феодальное поместье перестроило весь социальный строй эпохи подобно тому, как капитализм изменил все социальные отношения в Европе нового времени. Под термином " вотчинный капитализм" Лопш подразумевает не столько капитализм в прямом смысле этого слова, сколько систему, коренным образом изменившую социальный строй эпохи.

Новые исследователи показали, что феодальное поместье безусловно не заполняло всего социального содержания средневековья, что рядом с крупным поместьем еще продолжает существовать значительная прослойка свободного крестьянства. Это свободное крестьянство и всякого рода мелкие вотчины представляют собой явление, которым пренебречь нельзя. Мне уже приходилось в этой связи указывать на историю англо-саксов конца XI столетия до эпохи норманских завоеваний, да и позже, где продолжают существовать значительные слои свободного крестьянства. Датское нашествие создало в Англии еще более значительное скопление свободного крестьянства в районах северо-восточной Англии. Совершенно не подлежит сомнению и правильность наблюдений Каро относительно свободного крестьянства в Швейцарии.

Такой же значительный слой свободного крестьянства находился в Скандинавии, в Швеции, особенно в Норвегии, затем во Фландрии. Последние исследования показали значительную роль свободного крестьянства и мелких поместий, напр., в Бургундии. В то же время совершенно правильно наблюдение Зеелигера, что поместье было далеко не так просто, как это представляла себе вотчинная теория, что в поместье существует ряд слоев, которые находятся в самой различной степени зависимости и эксплоатации - не только рабы, колоны и литы, которых описывает аббат Ирминон, но также значительные контингенты, по крайней мере в некоторых местах, крестьянства лично свободного, свободно распоряжающегося своей землей и независимого от господина в смысле подчинения его юрисдикции, и лишь уплачивающего незначительные повинности в натуральном виде или деньгами, но не барщиной. Словом, мы не должны себе представлять, что развитие крупного феодального поместья всецело, без всякого остатка поглотило все свободное крестьянство и низвело его целиком на степень крепостного крестьянина.

Но из этого преждевременно делать тот вывод, который делается нередко, а именно-что вотчинная теория, характеризующая поместье, как основную образующую ячейку феодального общества, неверна. Все источники приводят к определенному выводу, что поместья играют все же главную, определяющую и решающую роль в эпоху Каролингов и особенно в последующие столетия, но это господство не было совершенно исключительным и абсолютным. Ни одна формация не выступает перед нами в чистом виде, каждая формация заключает в себе уклады, из которых одни являются пережитками предыдущей формации, а другие зародышами более поздней. Какую бы эпоху средневековья мы ни взяли, мы не найдем совершенно исключительного господства крупного феодального поместья, так же как мы даже в эпоху высшего развития капитализма Западной Европы не найдем безусловного господства капитализма. Достаточно указать на роль мелкобуржуазных элементов в строе самых передовых капиталистических стран, но это ни в коем случае не свидетельствует о господстве мелкого производства. Мелкое производство мы можем понять и оценить лишь на фоне крупного капиталистического производства, на фоне господства капиталистической формации. Равным образом, наличие разных слоев, более или менее подчиненных крупным феодальным поместьям, не доказывает того, что не было господства крупного феодального поместья. Роль свободного крестьянства мы можем понять только на фоне феодальных отношений. Мы не можем рассматривать его, как господствующий слой, мы вынуждены всегда смотреть сквозь призму феодальных отношений, но не считаться с наличием дофеодальных элементов, с остатком свободного крестьянства в феодальную эпоху мы не имеем права, как не имеем права игнорировать мелкобуржуазные элементы при рассмотрении социальных и политических отношений капиталистической эпохи. Оперируя с понятием феодального поместья, с понятием феодальной формации не только в эпоху Каролингов, но и позже, нужно считаться со сложностью этой формации, в которой имеют место многочисленные пережитки прошлого. То, что я говорил ранее, достаточно характеризовало растущую роль феодального поместья и второстепенное место, на которое все более и более оттесняется свободное крестьянство.

Наши источники неравномерно освещают эпоху. О свободном крестьянстве они говорят мало.

Зато до нас дошел ряд источников, дающих нам возможность судить о характере и об организации крупного феодального поместья. Это- известный "капитулярий о поместье", затем полиптихи ряда монастырей, всякого рода грамоты на передачу земель в руки

крупных землевладельцев. Далее сборники так наз. формул, т.е. образцов составления тех или иных деловых бумаг. Эти образцы были в очень большом ходу в эпоху раннего Средневековья, и они, давая понятие о том, на какого рода документы в то время был наибольший спрос, позволяют нам судить о процессе создания крупного феодального землевладения, вытесняющего мелкое свободное, преимущественно крестьянское, землевладение. Особенно много данных мы имеем о монастырях. Монастыри были лучшими счетоводами той эпохи, они составляли описи своих поместий, оставляли после себя всякого рода официальные документы, дарения, грамоты и все это записывали в особые книги, так наз. хартулярии. Из сравнительно многочисленных документов, дошедших до нас от церковных поместий, видно, что под властью церкви находились огромные земли и огромное количество зависимого населения. Напр., в монастыре Мартина Турского насчитывалось 20 тысяч сервов, т.е. рабов, посаженных на землю. В монастыре Люксей, в Сев. Франции, было до 15 тысяч мансов. Нам известны владения монастыря Св. Германа вблизи Парижа, по знаменитому Полиптиху аббата Ирминона, который в сохранившейся части описывает около четверти владений монастыря, насчитывающих свыше 35 тысяч га. У этого монастыря свыше 10 тысяч зависимых людей и 4759 мансов. Его ежегодные доходы оцениваются современными исследователями в сотни тысяч франков.

В этих крупных феодальных поместьях действительно проведено значительное разделение труда. То, что говорили представители вотчинной теории, в частности Гарайс и Гирке, об организации ремесленников по цехам, по отдельным специальностям, едва ли справедливо. Данные источников говорят, что специализация ремесленников была далеко не так широко проведена, как это представляется сторонникам вотчинной теории, хотя в крупных поместьях, при дворах крупных землевладельцев имелось большое количество ремесленников, особенно в монастырях. На господском дворе происходит известное разделение труда, выделяются отдельные специальные профессии, до некоторой степени происходит отделение ремесленного труда от сельско-хозяйственного. Но в то же время, как и ранее, сельский труд сочетался с промышленными работами. Особенностью феодального способа производства, во всяком случае, является недостаточное отделение ремесленного труда от сельскохозяйственного. Относительно рабочих барского двора, которые несут те или иные обязанности ремесленного характера в качестве кузнецов, плательщиков сетей и т.д., мы не можем утверждать с достоверностью, что они только ремесленники и не употребляются для работ сельско-хозяйственного характера. Крупное поместье

обслуживает себя не только при помощи труда ремесленников-специалистов на господском дворе, но в значительной мере также трудом крестьян, рабов, колонов и литов, которые должны одновременно с работой на господском поле и всякого рода натуральными взносами делать взносы произведениями ремесленного труда. Но не надо представлять себе прямой линии, как это делает вотчинная теория, которая утверждает, что только в поместье сложилась ремесленная организация и что нужно было только перейти на почву города, чтобы получилось городское ремесло. В связи с этим стоит проблема, которая является сейчас одной из боевых проблем буржуазной науки Запада, проблема о натурально-хозяйственном характере раннего Средневековья и в частности Каролингской эпохи. Опять-таки крупнейшую роль в борьбе с натурально-хозяйственной теорией, которая господствовала до конца XIX века, сыграл Допш, отвергающий ее. Однако его воззрения далеко не являются общепринятыми, и целый ряд крупных историков Запада, например недавно умерший Пиренн, в несколько своеобразной трактовке рассматривал этот вопрос. Затем один из крупнейших знатоков истории эпохи Каролингов, Альфан, доказывает господство в эпоху Каролингов натурально-хозяйственных отношений. До конца XIX в. и даже в начале XX века господствовала теория, представляющая себе эпоху раннего Средневековья, как эпоху замкнутого домашнего хозяйства или, выражаясь словами Бюхера, эпоху натурального хозяйства. Он подводит всю историю человечества до 1000 года под эпоху замкнутого домашнего хозяйства. В основу периодизации истории он кладет принцип обмена, и каждое хозяйство, в данном случае крупное феодальное поместье, по его мнению - обслуживало себя исключительно собственными силами. Но термин Бюхера "замкнутое домашнее хозяйство" менее употребителен, чем распространенный термин Гильдебранда - "натуральное хозяйство". Гильдебранд намечает такие стадии в развитии хозяйства: 1/ натуральное хозяйство, 2/ денежное хозяйство и 3/кредитное хозяйство. Под натуральным хозяйством Гильдебранд понимает не хозяйство без обмена, но такое хозяйство, при котором продукт обменивается на продукт без участия денег. Под денежным он понимает обмен, который происходит при помощи денег, и, наконец, кредитное хозяйство - высшая форма обмена, обмена при помощи кредита.

В буржуазной науке господствует противопоставление двух периодов - натурального и денежного хозяйства, причем они понимаются буржуазными историками в вульгарном, не гильдебрандовском смысле.

Натуральное хозяйство скорее понимается в бюхеровском смысле, т.е. как хозяйство без обмена или с самым ничтожным обменом, и это хозяйство господствовало, по их мнению, в эпоху всего раннего средневековья. Потом оно начинает уступать место денежному хозяйству, причем под денежным хозяйством разумеется вообще всякое хозяйство, связанное с обменом и, тем самым, с появлением денег. Эта, до крайности упрощенная, вульгарная теория господствует в трудах буржуазных экономистов конца XIX и начала XX века. Даже у таких крупных ученых, как Виноградов или Се, вы встретите господство этого, до крайности упрощенного подхода к делу, а именно смены натурального хозяйства, т.е. хозяйства без обмена, без разделения труда, хозяйством денежным, причем главным моментом, который ими подчеркивается, является именно внешний момент появления денег. Такого рода теории вызвали уже очень рано ряд возражений, которые были собраны, приведены в систему и снабжены детальной аргументацией у Допша. Допш стремится доказать, что натуральное и денежное хозяйство представляют собой не две сменяющие друг друга стадии развития, а одновременно сосуществующие явления на протяжении всей истории. Допш доказывает наличие денежного хозяйства в раннем Средневековье. Каковы его аргументы? Прежде всего, наличие денег и денежного оборота. Ряд источников говорит о деньгах, напр.: "Варварские правды" каждое преступление расценивали на деньги. Там указывается, что за убитого франка нужно уплатить 200 солидов. Это-огромная сумма по тому времени, особенно если принять в расчет, что реальная стоимость золота была по крайней мере раз в 7-8 выше, чем в довоенное время. За всякое преступление следует тот или иной денежный штраф. Это является очень серьезным аргументом в пользу наличия в Западной Европе в то время так называемого денежного хозяйства, не говоря уже о том, что деньги попадаются в археологических находках, что указывает на довольно значительное количество кладов, которые зарывались в землю. Наконец, имеются указания на наличие купцов. Купцы постоянно встречаются в летописных, законодательных памятниках. Допш отмечает не только наличие иностранных купцов, существование которых допускала и натурально-хозяйственная теория, предполагавшая, что торговля носила характер торговли предметами роскоши и велась иностранными купцами но и наличие местных купцов, напр. ярмарки в Сен-Дени куда собирались местные купцы. Говоря о приезжих с востока купцах, Допш указывает, что в то время начинают зарождаться знаменитые Шампанские ярмарки, которые в XII веке делаются средоточием европейской

торговли. Затем Допш указывает, что и города играли в то время крупную экономическую роль.

Вотчинная теория, идя вслед за германистами приняла положение, что при германских завоеваниях города были разрушены, либо пришли в запустение, потому что у германцев было естественное отвращение к городской жизни. Если города продолжают существовать в раннее Средневековье и продолжают упоминаться в летописях, то они и не рассматриваются натурально-хозяйственной теорией, как хозяйственные центры, а лишь как место-пребывание графа, епископа, как сосредоточение администрации. Допш восстает против этой точки зрения, он прежде всего старается доказать, что города не были разрушены во время германских завоеваний, что многочисленные известия современных писателей о разрушении городов, дошедшие до нас, представляют собой крайнее преувеличение риторического характера, вызванное стремлением ярче разрисовать ужасы германского нашествия. Допш доказывает, что большинство городов, которые упоминаются, как разрушенные, на одной странице летописи, на другой опять упоминаются, как цветущие. Если города и терпели от германского нашествия, то они быстро восстанавливались, быстро вновь развивали свою промышленность и торговлю. Он приводит ряд упоминаний о наличии купцов в городах и приходит к выводу, что города и в раннем средневековье продолжали оставаться тем, чем они были и в Римской империи, т.е. не только административными центрами, но и сосредоточением промышленности и торговли.

Все те моменты, которые заметны уже при Меровингах, Допш особенно подчеркивает в эпохе Каролингов. В это время мы видим дальнейшее развитие городов, основание новых городов, развитие промышленности, рост торговли, разработку рудников. Денежный обмен делает огромный шаг вперед. Допш отмечает такое явление, как спекулятивные цены в период голодовок, фиксацию цен в голодные годы. Он указывает на наличие развитого кредита, что видно из тех мер, которые приходилось принимать законодательству Карла Великого против чрезмерно высокого процента. Он указывает затем на такое характерное, по его мнению, явление, как монопольные или любительские цены, которые платились за предметы роскоши. Все это, думает он, указывает на наличие развитого денежного хозяйства, которое сосуществует с натуральным хозяйством, а вовсе не является новой стадией, приходящей на смену натуральному хозяйству. Во всяком случае, раннее средневековье никоим образом не подходит под определение натурального хозяйства. Приводя из Григория Турского факт, что одна из королев собрала большие сокровища путем поборов

о крестьян, Допш характеризует это, как пример накоп-
ления капитала путем аккумуляции ренты. Эта точка
зрения отчасти находит поддержку в теории Пиренна о
происхождении Средневековья. Он указывает, что начя-
лом Средневековья надо считать не эпоху германских
завоеваний, что она оставила в основном без изменения
те экономические отношения, которые существовали в
Римской империи. По его мнению Римская империя и
раннее средневековье принадлежат к одному и тому же
циклу развития, именно к средиземноморскому. Средн-
земное море-дорога, по которой проходит непрерывный
обмен. Этот характер культуры Западная Европа сохра-
няет и в эпоху Меровингов. В доказательство он при-
водит наличие золотых монет в Меровингскую эпоху.
Пиренн иначе смотрит на эпоху Каролингов. Он указы-
вает, что в эпоху Каролингов происходит возвращение
к натуральному хозяйству. Это-шаг назад по сравнению
с Меровингской эпохой. На сцену является новый фактор
истории-арабские завоевания. Арабы отрезали Запад-
ную Европу от Средиземного моря, придали ей континен-
тальный характер и, тем самым, осуществили возврат
к натуральным отношениям. Он видит в переходе от
золота к серебру показатель того, что хозяйство возвра-
щается к более примитивным формам обмена, так как,
очевидно, нет надобности в крупной денежной единице,
связанной с большими сделками.

Допш в своей полемике, направленной против Бюхера
и отчасти против марксистского понимания истории,
бьет мимо марксизма, поскольку последний не отрицает
наличия обмена и денег на самых разнообразных ступе-
нях экономического развития, но это наличие денег
само по себе ни в коей мере не указывает на изменение
в системе хозяйства. Самая попытка Бюхера положить
в основу ступней хозяйства обмен является несомнен-
но крупной методологической ошибкой. Кладя в основу
своего деления такой формальный момент, Бюхер сли-
вает воедино разнообразные общественные формации. У
него рабовладельческая и феодальная формации оказы-
ваются объединенными вместе. Исходя из этой
вульгарной мысли, современные буржуазные историки про-
тивопоставляют натуральное хозяйство денежному. Но
наличие денег может быть и при господстве натураль-
ного хозяйства, поскольку деньги, как известно, иг-
рают не только роль средств обмена, но также и пла-
тежного средства и средства накопления сокровищ. На-
личие денежных кладов в раннем средневековье, кото-
рые не поступают в обращение, показывает особую функ-
цию денег в эту эпоху. Они не играют сколько-нибудь
решающей роли, как средство обмена. Наконец, наличие
обмена, само по себе, ничего не говорит против господ-
ства натурально-хозяйственных отношений, поскольку
натуральное хозяйство характеризуется не отсутствием

обмена ,а,по крайней мере с марксистской точки зрения определенным характером производства. Натурально- хозяйственное производство-это такое производство,при котором продукт производится в первую очередь,как продукт потребления,но в процессе обращения излишки над потреблением могут стать товаром. Превращение известной части продуктов в товар,обращение этой части продуктов как товара и наличие денег в этом процессе обращения не противоречат господству натурального характера производства, поскольку только излишки над потреблени поступают при этой системе в обращение.Производство для потребления является основной целью производства,между тем как при хозяйстве товарном продукт производится в первую очередь как товар,а не как продукт потребления.

Если мы с этой точки зрения подойдем к хозяйству меровингской и каролингской эпох,то для нас станет ясен его натурально-хозяйственный характер. Этому не противоречит наличие и известных элементов обмена и даже известных элементов товарного производства.

Какие же элементы обмена мы наблюдаем в эпоху Меровингов и Каролингов? Прежде всего наличие обмена с другими странами,в частности с Востоком. Восточные сирийские купцы и др., являющиеся в Западную Европу со своими товарами,привозят,главным образом,предметы восточной роскоши,находя покупателей в высших классах Но торговля предметами роскоши, которая охватывает ли небольшие слои господствующего класса,конечно,ни в какой мере не разрушает натурально-хозяйственной концепции,поскольку такая торговля не изменяет в основном всего характера экономики страны. Сторонники натурально-хозяйственной концепции никогда не отрицали этого факта. Затем-торговля монопольными товарами.Такие продукты ,как соль, железо,обращаются в товар, поскольку они требуются в каждом хозяйстве,а между тем не в каждом хозяйстве они могут быть произведены. Но опять-таки в основном это не меняет характера хозяйства, и такого рода обмен мы встречаем на самых ранних стадиях развития хозяйства.Однако сплошь и рядом добывание соли и железа превращается в натуральную хозяйственную функцию,связанную с организацией поместья. В ряде поместий были свои солеварни и свои железные рудники, которые разрабатывались крепостными. В Полиптихе аббата Ирминона говорится о рабах, которые обязаны были доставлять господину известное количество железа. Обыкновенно добывание железной руды сопровождалось выплавкой ее. Очищение ее происходило путем последовательной ковки.Но мы видим даже обмен более постоянного характера, при посредстве купцов на ярмарках. Эти ярмарки происходят лишь в определенное время ,один или несколько раз в году. Обстановка , в которой они происходят , указывает на

чрезвычайный характер ярмарки, на слабое развитие торговли. Прежде всего, ярмарки происходят под особым покровительством церкви и короля. Церковь водружает на ярмарке крест, освящает ее, берет купцов под свое покровительство, потому что необходимы чрезвычайные меры для охраны их самих и их товаров. Сплошь и рядом ярмарка заканчивается грабежом купцов. Ограбление, военный захват - вот что является нормальным в отношениях феодалов к купцам. У купцов можно купить товары, но еще проще их ограбить. Средиземное море по Пиренну является дорогой, об"единяющей Запад и Восток, но оно кишит разбойниками. Торговое путешествие - трудное предприятие, в которое отправляются большими караванами, с вооруженной стражей, причем купцам приходилось выдерживать настоящие сражения с феодалами и морскими разбойниками прежде, чем они добирались до места. Эти торговые путешествия сулят огромный барыш, потому что товары, привезенные с таким трудом, являются монопольными товарами, за которые можно взять какую угодно цену. Риск оправдывался сказочными барышами.

Допш указывает и на наличие торговли у фризов саксов, скандинавских норманнов, но их торговля носит специфический характер. Фризы, саксы и норманны жили на море, они рано начали заводить флот и делать более или менее далекие морские поездки, в которых торговлю об"единяли с грабежом. Торговцы являются в то же время и морскими разбойниками, грабителями. Иногда восточные товары совершают большие странствования по Европе: какой-нибудь кубок дорогой работы или другой роскошный предмет, привезенный с Востока, проходит через целый ряд рук, но этот переход из рук в руки сплошь и рядом производится помимо денежных сделок, прежде всего путем прямого захвата или путем дарения. Обычай обмениваться подарками с гостями, существующий везде, где господствует натуральное хозяйство, имел широкое распространение и в средневековой Европе. Дорогие предметы могли во время своих странствований не стать ни разу товаром, предметом купли-продажи.

Все эти явления, широко распространенные в Западной Европе, не нарушали в основе натурально-хозяйственного характера производства. Наличие денежных платежей в "Правдах" тоже не доказывает развитости товарных отношений. Прежде всего надо отметить, что это только денежная оценка платежей, а в действительности платежи могли быть произведены и скотом и всяким другим имуществом. Если то или иное лицо должно уплатить 200 солидов, то это не значит, что оно уплачивало их, это только значит, что его имущество в ко-

личестве 200 солидов по оценке является уплатой, напр. за убийство. При этом судебные штрафы обычно разорали до тла тех лиц, которые им подвергались. Имущество такого размера было далеко не у многих, и уплата крупных штрафов вела обычно к полному разорению плательщика. Таким образом, и денежная таксация штрафов не доказывает существования товарного хозяйства. Наконец, самые мероприятия против спекулятивных цен и высокого процента доказывают лишь то, что в голодные годы, когда возрастал спрос на хлеб, таковой мог являться предметом продажи и спекуляции, но не доказывает сколько-нибудь широкого развития торговых оборотов в обычное время. Затем, чрезвычайно высокий процент, который в то время взимался, показывает, что деньги были редки и их трудно было найти. Наоборот, низкий уровень процента свидетельствует о развитых кредитных отношениях. В средние века кредит сопровождался обычно разорением кредитора или разорением должника. Должник не мог уплатить и закабалялся кредитору, если же должник был крупным лицом, то он предпочитал не платить и этим разорял своего кредитора. Все эти явления, которые приводятся как свидетельство наличия широкого обмена и денежного хозяйства в эпоху Каролингов и в еще более ранюю эпоху, лишь характеризуют специфический характер хозяйства и могут быть оценены только на фоне господства натурально-хозяйственных отношений. В основном эта эпоха -натурально-хозяйственная. Наличие городов в то время не подлежит сомнению, но не подлежит также сомнению, что в городах останавливались по преимуществу купцы, приезжавшие из за границы, что там имела место торговля, но что города не играли большой роли.

Существование отдельных явлений товарного хозяйства не меняет общего характера экономики, и последние могут быть поняты только на фоне натурально-хозяйственных отношений. Тем не менее, мы не должны пренебрегать этими моментами, поскольку из их дальнейшего развития мы сможем понять и дальнейшую историю самого феодального производства. Мы не можем сказать, что в каролингскую эпоху феодальное производство было производством только для потребления. Мы уже видели, что помещики несомненно представляли правило в крупном феодальном поместье, в поместье императора, в поместье крупных феодалов.

Но и крестьянское хозяйство начинает уже в это время производить свои продукты, как товар. Например, в полиптихе аббата Ирминона денежная рента, хотя еще и играет второстепенную роль, но все-таки имеется, а наличие денежной ренты уже означает связь крестьян-

ского хозяйства с рынком, причем связь не случайная, а постоянную, поскольку денежная рента уплачивается из года в год. Таким образом, здесь мы имеем элементы товарного производства. Правда, оно сравнительно ничтожно, лишь часть крестьянских хозяйств производит часть своего продукта как товар, но из этих зародышей в дальнейшем разовьется товарное производство. Превращение крестьянина в простого товаропроизводителя - основное противоречие феодального общества, противоречие между крупным землевладением и мелким производством, потому что, превращаясь в простого товаропроизводителя, крестьянин все более чувствует себя связанным феодальной рентой, а это усиливает и обостряет классовую борьбу в феодальном обществе. Этот процесс мы будем рассматривать в дальнейшем во всей полноте. Итак, зародыши товарного производства существуют на весьма ранних стадиях развития феодального общества, уже в эпоху Каролингов. Мы можем предполагать, что эти отношения возникли не только в IX веке, что, может быть в более мелком масштабе, эта денежная рента существовала уже и ранее. Но, возвращаясь к основной теме, я должен отметить сравнительную слабость развития торговли и целый ряд препятствий, которые ставил росту товарных отношений самый феодальный строй. Главными торговыми путями Европы были речные пути, как Рейн, Дунай, Рона, Сена, Маас. Затем надо еще отметить морскую торговлю, которая велась не только по Средиземноморскому морю. Ряд торговых пунктов существовал по берегам и Атлантического океана. Между прочим, тут был один исчезнувший теперь порт Квентовик который служил для торговли с Англией и Ирландией и о котором спорят, где он находился. В Полиптихе аббата Ирминона указаны транспорты вина, которые отправлялись в Квентовик для заморской торговли. Такие города, как Нант, Бордо, тоже были важными торговыми пунктами. Из городов континентальной Европы играл наибольшую роль город Манс. При Карле Великом около Манса стали строить большой мост с целью усилить торговлю. Я уже отмечал, что проезд по дорогам был далеко небезопасен, что всюду подстерегали купцов или морские разбойники, или сухопутные-те же феодалы. Затем, в эту эпоху уже создается то, что потом представляло основное бедствие торговли феодальной эпохи - бесконечное количество таможенных застав. Отдельные крупные землевладельцы собирали с купцов пошлину за проезд через свои мосты, и иногда мосты ставились прямо на сухом месте на дороге, чтобы взимать подати, или устанавливались для этой цели на дорогах заставы в виде протянутой веревки.

Монетная реформа эпохи Карла Великого, т.е. замена золотой монеты, золотого солида серебряной монетой

рассматривается Пиренном, как один из показателей перехода от широкого денежного обращения к натурально-хозяйственным отношениям, при которых нет крупной торговли и достаточно разменной серебряной монеты для мелких сделок. Но мы можем думать, что именно развитие серебряной монеты способствовало усилению торгового оборота, поскольку золотой солид мог иметь хождение разве только в торговле особо дорогими предметами, главным образом в торговле предметами роскоши, которые привозились с Востока, а серебряная монета указывает на ускорение оборота и вовлечение в этот торговый оборот широких масс потребителей и вовлечение мелких производителей.

В заключение поставим еще один вопрос, о прогрессивности феодальной формации. Феодальная формация является прогрессивной по сравнению с рабовладельческой формацией и открывает возможность роста производительных сил. Крестьянин при феодальной формации является владельцем земли. У него имеется свой надел, который является для него, по выражению Ленина, как бы натуральной платой, у него имеется стимул к повышению производительности труда, поскольку это повышение производительности труда создает разницу между феодальной рентой, т.е. той частью, которую крестьянин уплачивает помещику, и размером прибавочного продукта. Таким образом, часть прибавочного продукта остается в руках крестьянина и создает возможность крестьянского накопления. Маркс говорит в "Капитале", что эта возможность позволяет крестьянину повысить производительность труда и создает возможность роста производительных сил феодальной формации. У раба античной формации таких мотивов нет. При развитии рынка крестьянин начинает превращаться в простого товаропроизводителя. Он имеет возможность превратить в товар и в деньги оставшуюся у него часть прибавочного продукта. Это создает новый стимул производительности труда. Превращение крестьянина в простого товаропроизводителя, возможность накопления создает, таким образом, удобную почву для повышения производительности крестьянского труда и затем создает почву для буржуазного развития деревни и для развития в ней антифеодальных тенденций. Эта возможность повышения производительности труда присуща самому феодальному способу производства в силу характерного момента-об"единения производителя с условиями производства. Наконец, само феодальное поместье создает тоже известные условия для повышения производительности труда и для роста производительных сил. Какие моменты мы должны здесь отметить? Прежде всего, барское хозяйство, в котором ряд крестьян работает на барском поле. Мы не можем говорить о крупном производстве, поскольз-

ку каждый крестьянин работает со своим инструментом, который приспособлен к потребностям его маленького хозяйства. Разделение труда при работах на господском поле сравнительно ничтожное. Главным образом мы имеем здесь простую кооперацию, а не сколько-нибудь развитое разделение труда. Но все же в господском хозяйстве выступают известные моменты роста производительных сил, потому что в нем употребляются не только крестьянские орудия, но и отчасти орудия господские, которые нередко являются более совершенными, чем те, которые употребляются на крестьянском дворе, затем на господском хозяйстве впервые в большем масштабе, чем в крестьянском хозяйстве, применяются удобрения. Тут же имеются попытки перехода к более сложной системе севооборота. Так что в известной мере помещичье хозяйство являлось стимулом роста производительных сил. Нужно еще отметить и то, что известные зародыши общественного разделения труда, в смысле образования ремесленных профессий, уже имеются в крупном феодальном поместье. Но рядом с этим стоит целый ряд других явлений в развитии барского хозяйства, которые тормозят развитие производительных сил. Барское хозяйство, по крайней мере на поздней стадии, когда оно попадает под влияние товарного хозяйства, начинает истощать крестьянство, стремится эксплоатировать крестьянское хозяйство до последней крайности, урезывает крестьянские наделы и старается присвоить весь прибавочный продукт крестьян, лишая их какого бы то ни было мотива к усилению производительности труда. Поэтому, признавая в целом известную прогрессивность феодальной формации, мы не должны забывать и отрицательных моментов, которые особенно сильно сказываются на поздней стадии развития феодализма, когда он уже начинает итти к разложению.

Что касается концепции вотчинной теории, то следует возразить против выставления этой теорией культурной, цивилизаторской роли вотчины, которая представляется, как своего рода бескорыстная культурная служба обществу, а не как результат стремления к повышению прибыли.

-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-

Л Е К Ц И Я 16-ая.

Подводя общие итоги каролингской эпохе, в частности царствованию Карла Великого, мы должны сказать, что те представления, которые нередко развивались современниками вроде Эйнгарда и затем перешли по наследству к другим историкам, представления о каком-то высоком под"еме, экономическом, культурном и социальном, который переживало будто бы в то время франкское королевство, значительно тускнеют. Государство Карла Великого представляло собой чрезвычайно шаткую и слабую надстройку над мощным и крупным землевладением. Политическая самостоятельность крупного землевладения, которая начала складываться при Меровингах, в это время завершилась. Только путем некоторых уступок крупному землевладению Карл Великий мог строить свою власть. Его государство представляло интересы крупного землевладения. За всеми фразами о функциях императора, как хранителя мира, как защитника слабых, скрывалось в конце концов лишь подчинение всех этих слабых крупным землевладельцам, разорение крестьянства. Военная реформа, которая создала усиление королевской власти, в то же время целиком базировалась на крупном землевладении. Покорение полузависимых восточных частей империи вело к усилению феодализации, уничтожая свободное крестьянство. Развивая власть крупного землевладения, империя Карла одновременно подрывала свои собственные силы, подрывала королевскую власть. В результате, то, что мы называем империей Карла Великого, представляет собой чрезвычайно эфемерное явление, под"ем королевской власти является крайне кратковременным. Все каролингское законодательство, которое направлено к усилению королевской власти, ряд мероприятий, направленных против злоупотреблений графов и крупных землевладельцев, - все это свидетельствует только о бессилии королевской власти справиться с распадом крупного франкского королевства на ряд самостоятельных феодальных единиц. Этот распад не замедлил произойти уже в конце правления Карла Великого. Карл Великий, так же как и его предшественник, делит свое королевство между своими сыновьями. В 801 году Пипину была отдана Лангобардия, Италия, Людовик получил Аквитанию. В 806 году был произведен новый передел Империи. Все королевство было поделено между сыновьями Карла, за Людовиком осталась аквитания, затем он получил Прованс и часть Бургундии / южную часть королевства /. Пипин кроме Италии получил Баварию. Все остальное было отдано 3-ему сыну, Карлу.

Карл сохранил за собой титул императора и верховные функции во всей империи. Раздел свидетельствовал о начавшемся и все более и более отчетливо выступающем распадении. В то же время, в последние годы Карла растет недовольство народных масс, мы видим это по все более частым заговорам, направленным против заговоров и тайных союзов, которые возникают в среде несвободного, а также все более порабощающегося свободного крестьянства.

Карл Великий умер в 814г. По исторической случайности империя в это время объединилась опять в одних руках: два его сына-Пипин и Карл-умерли еще при жизни отца, и на престол вступил единственный его преемник-Людовик Благочестивый, хотя его потом чаще называли Людовик Добродушный-кличка, одновременно одобрительная и несколько презрительная. Это был человек малоспособный к тому делу, к которому он был призван, всецело находился под влиянием духовенства и сам мечтал принять духовный сан. Он воцарился один, но немедленно вслед за этим, в 817г., он произвел раздел империи между своими сыновьями. Старшего сына он сделал своим соправителем. Начались несогласия и смуты. Сыновья императора поднялись против отца. В этих столкновениях была окончательно скомпрометирована императорская власть. Всем этим пользовались крупные феодалы для усиления своей политической самостоятельности. После смерти Людовика в 840г. начались столкновения между его сыновьями. Наконец, в 843г. состоялся окончательный раздел империи Карла Великого. По вердэнскому договору между тремя сыновьями Людовика Благочестивого-Лотарем, Карлом и Людовиком-раздел был произведен следующим образом: Карл, по прозвищу Лысый, получил западную часть королевства. Это не вся территория Франции, а только западная часть ее, не доходившая до Роны, и часть теперешней Бельгии. Людовик, другой его сын, получил восточную часть империи. Эта восточная часть империи была с довольно неопределенными границами на востоке, потому что славянские племена, которые признавали власть Карла Великого или по крайней мере вассальную зависимость от него, при Людовике перестают признавать эту зависимость. Западная граница этой части идет примерно по Рейну, хотя в некоторых местах несколько отступает. Средний сын Людовика-Лотарь-получил чрезвычайно своеобразные владения, которые простирались полосой между владениями Карла и Людовика. Они охватывали земли между Францией и Германией, большую часть Бургундии и Италии. Это-узкая полоса, которая протянулась с севера на юг. Область между Германией и Францией потом, по имени одного из его потомков, получила название

Лотарингии. Таким образом, Франкская империя была разделена на три части и после этого уже не об"единялась. Эти три части в сущности представляли собой лишь по имени королевства, фактически же это были очень шаткие об"единения ряда самостоятельных феодальных владений.

Раздел империи Карла Великого по Вердэнскому договору 843г. был не окончательным, за ним следовал еще ряд других разделов. К концу IX века прежняя империя Карла Великого делилась уже не на три, а на четыре части. Этими частями были: Франция, Германия, Италия и королевство Бургундское, которое образовалось между этими тремя государствами. Деление по Верденскому договору, которое создало между Германией и Францией длинную узкую полосу, не удержалось. Области к северу от Роны поделились, частью отошли к Франции, частью к Германии, а из южной части образовалось самостоятельное королевство Бургундское.

Это деление на четыре королевства, в сущности говоря, тоже было чисто формальным. Рост крупного землевладения, рост самостоятельности графов и герцогов приводил к тому, что фактически каждое из этих королевств распадалось на ряд самостоятельных областей, над которыми у короля была лишь номинальная власть. В IX веке происходила непрерывная борьба королей из дома Каролингов с крупными сеньерами. Королевской власти приходится итти на дальнейшие уступки феодалам. Уже мероприятия Карла Великого, даже в тех случаях, когда они были направлены к укреплению власти императора, в сущности говоря, усиливали в первую очередь носителей частной власти, крупного землевладения, на которых королю приходилось опираться. Во второй половине IX века королевской власти приходится своими мероприятиями еще больше усиливать частную власть крупных землевладельцев и, тем самым, усиливать их местный сепаратизм, их независимость от центра. В 847г. король Карл Лысый во Франции издал капитулярий, который предписывал каждому человеку найти себе сеньера. Подобного же рода предписания мы видели и в Англии. По закону короля Ательстана в X столетии каждый свободный англо-сакс должен найти себе сеньера. Целью этого предписания было возложить на сеньеров ответственность за всякого рода преступления, совершаемые свободными людьми. Свободный человек, как таковой, оказывался, в сущности говоря, как будто бы вне контроля государства. Королевская власть была настолько ослаблена, что она могла поддерживать судебный и полицейский порядок в стране, только опираясь на содействие сеньера.

Поэтому не было другого средства для распространения полицейской власти на людей, не находящихся в частном владении, как только поставить их под частную власть. Этим капитулярием королевская власть расписывалась в своем полном бессилии. Свободное крестьянство целиком ставилось в зависимость от крупных землевладельцев. Конечно, это не означало, что все становились крепостными, но все становились в феодальную зависимость от крупных землевладельцев. Феодальная система, таким образом, была наложена, по крайней мере юридически, на все население Франции.

Дальнейшим важным актом по пути усиления феодализма был, так наз., керсийский капитулярий 877 года. Он установил наследственность должности графов. Фактически уже и до этого должность графа была наследственной. Гораздо раньше, еще при Меровингах, законом 674 г. предписывалось, что графы должны быть из крупных землевладельцев своего округа. С этого времени графы передавали по наследству свою собственность и ту власть, которую они осуществляют, как представители центральной власти. С этим тщетно вел борьбу Карл Великий.

Таким образом, Керсийский капитулярий не ввел ничего нового, он лишь закрепил и констатировал то, что было раньше. Теперь прежняя империя Карла Великого фактически распалась на ряд отдельных независимых или полунезависимых феодальных владений. Это были частью владения прежних королевских агентов-графов. Административные округа, во главе которых они прежде стояли, как королевские чиновники, теперь стали их частным владением. Карл Великий уничтожил в восточной части всей страны должность герцогов; они представляли опасность для императорской власти, потому что они были часто представителями местных династий. Теперь во главе отдельных крупных областей империи опять поднимаются герцогские дома, которые, в сущности говоря, являются почти что самостоятельными государями.

Во главе пограничных областей были поставлены маркграфы, которым были даны особые военные полномочия. Марки были более крупными областями, чем обычные графства. Кроме того, марки были сильно укреплены в военном отношении, поскольку их целью было организовать пограничную защиту. Эти маркграфства точно также становились сильнейшими феодальными владениями. Империя Карла Великого распалась на ряд графств, герцогств и маркграфств, но деление на эти крупные единицы опять-таки является довольно внешним, поскольку внутри каждой из таких единиц происходило дальнейшее распадение. Всякого рода крупные землевладельцы в пределах отдельных графств и герцогств также добивались политической самостоятельности. Они часто так же мало зависели от того герцога или графа, в пределах которого расположены

были их земли, как от короля. В результате этого процесса западная Европа к концу IX столетия представляла собой картину полного политического распада. Было одно исключение - это Англия, в ней не произошло раздробления, потому что в Англии сохранилось в значительно большей степени свободное население, чем в остальной Европе. Но и в Англии в X и XI столетиях происходили те же явления, что и в остальной Западной Европе. И там под об"единением скрывается значительная политическая самостоятельность отдельных крупных землевладельцев, особенно в тех землях, которые сохранили старые княжеские владельческие роды, лишь внешним образом зависящие от короля.

Остановимся несколько подробнее на политической обстановке, которая создалась в Европе в IX столетии, и на характеристике той социальной и политической системы, которая устанавливается в Европе в ту эпоху, на характеристике феодальной системы. Европа в IX столетии представляет собой поле непрерывных военных столкновений. Карл Великий преследовал частные войны, так называемые файды, но теперь, с конца IX столетия, они становятся обычным явлением и, в конце концов, узакониваются, как право каждого феодала, обладающего вооруженной силой. Шла речь лишь об ограничении этого права, о введении его в определенные рамки. Не говоря уже о столкновениях, которые вызывались бесконечными пограничными спорами, борьба иногда шла из-за того, что земли феодалов не лежали, как правило, отдельными компактными участками, а часто состояли из ряда отдельных частей; эта разбросанность, чересполосность феодальных владений характерна для средневековой Европы. Бывало так, что одна и та же деревня делилась между несколькими крупными феодалами, одна половина деревни могла принадлежать одному, другая - другому. И если вы представите себе при этом общинные распорядки, при которых земля каждого отдельного крестьянина лежала чересполосно с землей других, то вы легко представите себе, насколько были перепутаны владельческие права крупных землевладельцев друг с другом. Случалось, что одни и те же крестьяне нередко оказывались в политической зависимости от различных лиц и должны были у них судиться.

Эта крайняя пестрота усиливалась и обострялась все возможными разделами между феодалами. Феодалы делили земли между наследниками, отчуждали их, отдавали монастырям. Особенно надо отметить чересполосность, которой отличались монастырские и церковные земли, которые сплошь составлялись из дарений людей, живших довольно далеко от этих монастырей. Все это создавало непрерывные поводы для столкновений, и состояние войны между соседями было почти нор-

мальным для каждого феодала. Возникала вражда между отдельными родами, которые не упускали случая возобновить войну, если она прекращалась, мстя за старые обиды. Всякие столкновения из-за личных обид, из-за границ, из-за клочка земли- все это создавало обстановку непрекращающейся внутренней войны. К этому надо прибавить еще один существенный момент, это то, что Европа в то время подвергалась непрерывным нападениям со всех сторон. Области, которые входили в состав империи Карла Великого, были окружены опасными соседями. Прежде всего это были славянские племена. В IX столетии они проникают за Эльбу, и восточным частям, вошедшим в состав германского королевства, приходится выдерживать с ними упорную борьбу. На славянских землях создается сильное Моравское государство, постоянная угроза для восточных частей империи. Кроме славян, был ряд других опасных соседей. Арабские завоевания к тому времени уже прекратились, но отдельные набеги на Европу продолжались непрерывно. Надо отметить набеги, которые исходили из западных областей, занятых арабами, особенно из северной Африки. Они господствовали на море и непрерывными своими набегами тревожили южную Францию, Бургундию и Италию. Это были не только пиратские набеги, арабы строили на берегах укрепленные пункты, замки, из которых они производили нападения внутрь стран. Они усиливали состояние анархии, в котором находилось общество. Затем был еще один опасный сосед-венгры, которые в конце IX века поселились на среднем Дунае на смену аварам. Они вели полукочевой образ жизни и производили непрерывные набеги на соседние государства. Венгры в этом смысле были страшнее аваров, да пожалуй и гуннов. Их набеги производились почти ежегодно, при этом они обычно появлялись в самых неожиданных местах. Они отправлялись обычно небольшими отрядами в поход, глубоко проникали в соседние страны и затем уже об"единялись в условленном месте, и было очень трудно дать им какой-нибудь отпор, потому что было неясно, откуда готовится удар. Конные отряды венгров проносились по всей Европе, почти не встречая сопротивления. Население настолько боялось их, что бежало, бросая все свое имущество. Венгры проникали далеко на запад и на юг, они доходили до Парижа, они забирались даже и в южную Италию, всюду наводя ужас, захватывая и имущество и в особенности людей. Торговля людьми велась венграми в широких размерах, они продавали их на арабский и византийский восток. Только с первой половины X столетия эти постоянные набеги заставляют западных феодалов об"единиться для защиты, но мера являлась крайне несовершенной, поскольку приходилось бороться с неприятелем, не двигав-

шимися сплошной массой.

Наконец, надо отметить набеги норманнов. Мы говорили о набегах датчан на Англию. Это были набеги не только датчан, но и норманнов, которые делали набеги на Ирландию. Под общим именем норманнов были известны племена, которые жили в Норвегии, Швеции и Дании. Они уже в это время распались на основные группы: на датчан, шведов и норвежцев. Шведами мы можем назвать восточных норманнов, датчанами и норвежцами западных норманнов. Шведы шли на восток норвежцы и датчане на запад. У норвежских племен очень долго, почти до самого IX столетия, сохранился строй, очень близкий к тому, который был описан Тацитом. Тацит уже отмечает наличие германских племен в южной Скандинавии, он говорит о свионах, у которых был свой флот, а название свионы созвучно со шведами. У норманнов господствовал родовой порядок и племенной строй. У них была своя родовая знать, племенные короли, конунги, которые стояли во главе отдельных маленьких государств. Но в IX столетии у них уже происходит процесс классообразования. С этим процессом связано усиление государства и об"единение отдельных мелких племен в более крупное политическое целое. В Дании Горм, в Норвегии Гаральд Светловолосый об"единили эти страны. Местные королевские династии, стоявшие во главе отдельных норманнских племен, были частью истреблены, частью ушли в изгнание. Эти процессы сплочения отдельных норманнских племен сопровождались усиленным процессом переселения, эмиграции. Сначала он принимает характер военных набегов, которые были направлены в первую очередь на страны расположенные ближе всего к скандинавским государствам, на Англию и Ирландию. Они были продолжением давних связей, которые имелись у норманнов с западной Европой. Эти связи диктовались особым складом германских стран, особенно Норвегии, которая была главным центром, питавшим набеги. Скандинавия является преимущественно горной и лесной областью, в которой лишь незначительная часть земли годится для культуры. Хлеба для населения нехватало, и оно в бесконечных шхерах и фиордах Норвегии занималось рыболовством, но рыболовство не всегда было удачным, не всегда рыба шла одними и теми же путями, благодаря чему часто наступали голодные годы. Это толкало жителей Скандинавского полуострова на морские предприятия, тем более, что море им, как рыбакам, было хорошо известно. Они отправлялись в торговые путешествия для закупки хлеба, везя в обмен произведения своей страны: сушеную рыбу, особенно меха пушных зверей, которых было очень много в лесных горах Скандинавии. Торговые предприятия обыкновенно сливались с разбой-

ничьими. Это явление характерно для торговли на ранней стадии ее развития, причем награбленные предметы везли дальше, для того, чтобы менять их. Торгово-разбойничьи экспедиции перерастали в большие предприятия, в которые отправлялись целые сотни лодок. В Норвегии была раскопана лодка, на которой норманны отправлялись в экспедиции. Длиной около 10 метров, с почти плоским дном, с незначительным килем и с одной палубой. На лодке могло поместиться до ста человек. Эти лодки шли под парусом или под веслами. На носу обычно было изображение дракона или змеи со скрученной шеей, покрытой резьбой. Местные конунги или ярлы вместе со своими дружинами отправлялись на поиски не только добычи, но и мест для поселения. В IX веке такого рода военно-торговые и вместе с тем колониальные предприятия делаются все более частыми. Одновременно с набегами на Англию и Ирландию производились набеги на области северной Германии и Франции. При этом норманны применяли особые методы захвата. Они отправлялись сначала сравнительно немногочисленными массами, лодок до 200. Они заходили обыкновенно в устья больших рек, поднимались, например, по Сене до Парижа, заходили в устье Луары и Рейна. Проникая далеко вглубь страны, они опустошали берега рек, захватывали укрепленные пункты отнимали у населения лошадей и дальше продолжали свои набеги верхом. Так как это делалось очень стремительно, то они могли оказаться далеко внутри страны, в то время как можно было ожидать их набегов с моря. Такие кратковременные набеги сменялись затем длительными стоянками. На Сене и Луаре образовались постоянные норманнские поселения, откуда они и производили длительные набеги внутрь страны. К ним присоединялись другие норманны, но самое существенное было то, что местное крестьянское население, угнетаемое феодальным режимом, нередко присоединялось к норманнам, предпочитая жизнь морской вольницы феодальному угнетению. Один из знаменитых норманнских викингов, Гастон, был по преданию французским крестьянином из Труа в Шампани..

Набеги норманнов в IX веке не ограничились только странами, расположенными в непосредственной близости со скандинавскими странами, они шли гораздо дальше. Норманны появляются и на западных берегах франкского государства, отплывают к Пиренейскому полуострову внутрь, по Гвадалквивиру они доплывают до Севильи, проплывают через Гибралтарский пролив и проникают в Средиземное море. Они делают нападения на берега южной Франции, на Прованс, нападают на берега Италии и здесь сталкиваются

с арабами и ведут с ними борьбу. Затем они отплывают в Италию и появляются в Греции. Таким образом, они огибают всю Западную Европу.

В то же время восточные норманны-шведы добираются до Византии другим путем, через реки восточной Европы. Так норманнские набеги опоясывают всю Западную Европу, сходясь в Византии.

От этих набегов они переходят к более прочным колонизационным предприятиям. Я уже рассматривал их колониальные предприятия в северо-восточной Англии, области датских поселений в IX столетии.

Из подобного же рода колониальных предприятий в континентальной Европе надо особенно отметить образование в конце IX и начале X века колонии в северной Франции. В конце IX века Руан захвачен норманнским вождем Роллоном. Здесь он уже обосновался прочно и образовал своего рода норманнское княжество, которое производит значительные территориальные захваты. Роллон производит по летописным известиям раздел земель между своими воинами подобно тому, как это производилось датчанами в Англии. Затем это норманнское княжество начинает вести упорную войну с франкскими королями. В 911г. был заключен договор, по которому французский король уступал норманнским вождям, которые получили титул герцогов, обширные земли в северной Франции, составившие герцогство нормандское. Оно заключало в себе полуостров Нормандию и ряд прилежащих земель северной Франции. Таким образом, устье Сены оказалось в руках этого герцогства. Это герцогство считалось вассальным герцогством франкского короля. Герцоги приносили присягу франкскому королю, что не мешало им быть очень опасными соперниками короля и вести с ним непрерывные войны. Это нормандское герцогство сыграло крупнейшую роль в истории. В 1066 году нормандские герцоги завоевали Англию. Еще раньше, в первой половине XI столетия они стали захватывать южную Италию. Во время похода на Восток нормандские рыцари захватили Сицилию и южную Италию и образовали южно-итальянское норманнское королевство или королевство обеих Сицилий, т.е. самого острова Сицилии и южной Италии. Нужно еще упомянуть пути распространения норманнов в северной Европе. Они колонизируют Исландию, затем отправляются в Южную Ирландию, около 1000 года они, повидимому, проникают в Америку. Там была основана их колония, получившая название Винланд /дословно, как будто бы, страна вина/, но памятников их пребывания в Америке не осталось. На одной скале находилась будто бы надпись, похожая на скандинавские руны/у них было руническое письмо, которое представляло собой иска-

менный латинский алфавит/, но потом выяснилось, что это не руническая надпись, а изображение, которое делали местные племена индейцев. Но во всяком случае имеются указания в летописях норманнов, которые позволяют думать, что до Америки они добрались в XI столетии и там была их колония, но она недолго просуществовала. Им пришлось вести непрерывную войну с туземцами, повидимому с эскимосами, в результате чего эта колония погибла и более не возобновлялась. Это первое открытие Америки европейцами было потом забыто.

Я характеризовал эти нападения и колонизационные предприятия норманнов для того, чтобы подчеркнуть ту своеобразную обстановку, в которой окончательно создавался и складывался феодализм. Это-состояние непрерывного военного положения.

Мы рассматриваем феодализм, как господствующую общественную формацию и в более раннюю эпоху. Мы полагаем, что именно момент революции рабов в Риме, связанный с германскими завоеваниями, уже создает господство феодальной формации в Западной Европе, хотя, конечно, не везде. Мы говорим лишь об основном определяющем моменте. Но в восточной части той же Западной Европы, например, у саксов, эти дофеодальные отношения держатся еще очень долго, до конца VIII и IX в.в., и насаждаются там отчасти в результате франкских завоеваний. Затем, значительные пережитки элементов германского доклассового общества и после подчинения значительных слоев свободного крестьянства мы видим в Англии. Но между IX и XI столетиями мы можем говорить уже об окончательном утверждении феодализма. Правда, рабство тоже не совсем исчезло. Домашние рабы постоянно встречаются в документах; рабы работают в доме господина или в его дворе. Они обычно употребляются и для сельско-хозяйственных работ наряду с крепостными, сидящими на наделах, и наряду с дворовыми рабочими из числа крестьян. В Западной Европе в это время раба можно и купить и продать. Иногда, захваченные на войне пленники продаются в рабство/это наиболее выгодный способ их реализовать/, иногда их сажают на землю в качестве крепостных, иногда оставляют в качестве домашней прислуги. Целый ряд военных предприятий, например набеги венгров, носят характер захвата рабов. Норманны тоже не брезговали захватом рабов и продажей их. На Средиземном море идет торговля рабами: их скупают Византия и арабские купцы. Таким образом, рабовладельческая формация все более и более исчезает и основной формой эксплоатации является эксплоатация крепостническая, при которой крестьяне сидят на своих наделах и лишь очень незначительная часть эксплоатируется как дворовые рабочие, причем среди них мы

мы встречаем незначительную прослойку рабов, а главным образом это те же крестьяне, которые обязаны отбывать свои повинности в качестве дворовых рабочих. Иногда в качестве дворовых рабочих появляются свободные лица, которых нанимают за харчи и небольшое вознаграждение. Это уже зародыш новой формации. Мы в эту эпоху, как и во всякую другую, можем констатировать наличие предшествующей формации и наличие нарождающихся элементов будущей формации. Равным образом, если остаются лишь незначительные черты рабовладения, то также в основном исчезает и свободное крестьянство. Я уже отмечал, что мы не должны представлять себе это исчезновение целиком; некоторые прослойки свободного крестьянства остаются еще в Западной Европе в течение всего Средневековья. Каро нашел их в Швейцарии. Это понятно, потому что в Швейцарии были особые условия хозяйства. Мы видим такого рода условия и в некоторых других местах. Пастбищное хозяйство сравнительно плохо мирится с крепостничеством и барщиной. В Швейцарии, где господствует пастбищное хозяйство, не развивается самая тяжелая форма ренты-отработочная рента, потому что пастбищное хозяйство является системой крайне нетрудоемкой. С пастбищным хозяйством обыкновенно связывается рента продуктами скотоводства, которая не приводит к таким тяжелым формам зависимости, как отработочная или барщинная рента. Затем, свобода крестьянства определяется в значительной степени также и возможностью ухода крестьянства с земли, свободной колонизацией тех районов, где крестьяне легко могут найти землю для поселения. И там закрепощение является далеко не полным. Это мы видим, например, в Скандинавии, в Швеции. В некоторых районах Скандинавии крепостное право развивается не в такой форме, какую мы знаем в Западной Европе, благодаря природным условиям поселения. Норвежские рыбаки или скотоводы жили на большом расстоянии друг от друга, в Норвегии и сейчас деревень почти нет, есть только дворы, поскольку там просто нет места, где можно было бы поставить деревню. Места, пригодные для земледелия и скотоводства, так разбросаны среди негодных для какой бы то ни было хозяйственной эксплоатации гор и лесов, что там могут селиться только отдельные семьи. Феодальная эксплоатация подобного рода разбросанных поселений представляет собой, конечно, большие трудности. Затем, наличие громадных лесных массивов, возможность дальнейшего продвижения в область лесов, создает для крестьян возможность ухода. В связи с этим в Швеции всегда сохраняется очень значительная прослойка свободного крестьянства, которая или совсем не была феодально зависима или была лишь внешне зависима от феодала. Эта зависимость выражалась в политическом подчинении и в уплате ему небольшого оброка.

Но в основном мы можем говорить, что в Западной Европе к XI столетию устанавливается господство феодальной эксплоатации, что огромное большинство крестьянства попадает в феодальную зависимость.

Опять-таки, я не хотел бы создавать впечатления о полном однообразии тех отношений, которые здесь создавались. Прежде всего, относительно юридического положения крестьянства. Мы видим все время весьма значительные различия, которые отчасти стирались, но отчасти и возникали вновь. На ранней стадии развития феодализма, в IX веке, еще были видны следы происхождения крестьянства. Мы видим колонов, рабов, литов в этой же полиптихе аббата Эрминона. В дальнейшем все эти отдельные прослойки сливаются, но известные различия сохраняются. Эти различия диктуются, главным образом, характером ренты. Отработочная рента создает наиболее тяжелые формы зависимости, потому что отработочная рента непосредственно связывает крестьянина с господским хозяйством. При отработочной ренте крестьянин отдает часть своего времени господину, работая на земле господина под надзором господских присмотрщиков. С другой стороны создавалась зависимость такого порядка: крестьянин работал на господской земле со своим инвентарем. Он должен был являться на работу не только со своими рабочими руками, но с рабочим скотом и инструментом. Это ставило крестьянское хозяйство под непосредственный контроль господина, который был заинтересован в том, чтобы крестьянское хозяйство было достаточно снабжено инвентарем, рабочим скотом. Крестьянин был связан в возможности передавать или отчуждать свой надел, крестьянские наделы должны были сохраняться неприкосновенными в интересах господина. Господин был заинтересован в том, чтобы у него было определенное количество достаточно снабженных крестьянских дворов. Это давало повод некоторым исследователям сделать вывод о гармонии интересов между крестьянскими двором и господином. Это выражение имеет место в книге Петрушевского, где говорится о гармонии между господином и крестьянским двором в смысле определенной границы эксплоатации крестьян. Но эта заинтересованность господина в сохранении крестьянского хозяйства создала особенно тяжелую форму зависимости крестьянства. Именно на этой почве возникает представление, что все, чем владеет крестьянин, есть собственность господина, что у крестьянина нет собственности. Более мягкие формы зависимости создались там, где господствующей формой ренты сделалась рента продуктовая.

Продуктовая рента появляется с очень давних пор. Вы видели ее и у Тацита в эпоху Меровингов. Мы не можем говорить, что когда-либо одна форма ренты господствовала безраздельно, без всяких исключений, но эта форма ренты все более и более развивается между X и XI веком. Эта форма ренты ослабляет зависимость от господина в том смысле, что теперь крестьянин работает только на своей земле и выделяет ренту из части своего продукта. Господин заинтересован только в получении ренты, крестьянину предоставляется работать самому, без надзора.

Уже в эту эпоху, как вам известно из документов, начинают играть известную роль и деньги, но пока еще, как совершенно второстепенное явление, и появляется денежная рента. Феодальное крестьянство различно по социальному положению. Мы видим крестьян, которые совершенно закрепощены, - это те крестьяне, в повинности которых главную роль играет отработочная рента, затем мы видим крестьян, которые находятся в состоянии большего или меньшего закрепощения, полукрепостных, юридическое положение которых значительно легче, и в ренте основную роль играет рента продуктами, а впоследствии денежная рента. Мы видим, наконец, крестьянство, которое является почти свободным. Я не говорю - совсем свободным, поскольку каждый крестьянин должен был признавать себя феодально зависимым от сеньера. Только в некоторых местах, как в лесистой и горной Швеции, удержались остатки совсем свободного крестьянства. Но в основном та часть крестьянства, которую мы называем свободной, все же является феодально зависимой и платит хотя бы небольшую ренту.

Я не буду останавливаться на организации феодального поместья, поскольку она сравнительно мало меняется по сравнению с тем, что вы знаете об организации феодального поместья IX столетия. Я остановлюсь только на некоторых специальных проблемах.

Прежде всего я хочу отметить роль общины, общинного строя в средние века. Община была перенесена германцами на территорию Римской империи, она удерживается в большей части Западной Европы в течение всего средневековья, но не везде. Мы не должны себе представлять господство общины, как господство абсолютное. Прежде всего община не имеет места там, где этому не благоприятствуют местные условия. Община теснейшим образом связана с деревенским поселением, с поселением более или менее значительной массы крестьянства в одном месте. Но в гористых странах такие общинные поселения были невозможны. Например, Норвегия никогда не знала сельской общины, потому, что она не знала и деревни. Мы там видим поселения в виде отдельных хуто-

ров. Затем приходится считаться с влиянием римских порядков и тех отношений частной собственности, которые существовали в римской деревне. В тех областях, где германцы селились среди сплошного римского населения, где они перемешивались с римским населением, там община подвергается сравнительно раннему процессу разложения, распадается на ряд индивидуальных хозяйств, которые сравнительно мало об"единены друг с другом и не представляют особой организации. Но в большей части Западной Европы мы видим господство общинного порядка. Феодализм не разрушает общины или общинного порядка, а наоборот укрепляет его, но он превращает общину в несвободную. Средневековая Европа вся покрыта этими несвободными общинами. В них те же самые полевые порядки, как и в свободной общине. Когда возникает господское хозяйство рядом с крестьянским, то оно сплошь и рядом не выделяется в виде какого-нибудь особого участка земли, а лежит чересполосно с землями общинников. Таким образом не нарушаются старые полевые порядки-принудительный севооборот, который характерен для общинного строя. Господин является как бы членом общины, только более крупным. Ему принадлежат общинные права в лесу, на пастбищах, он выгоняет определенное количество скота на пастбище, имеет такое право на лес, как и другие крестьяне, только в больших размерах. Таким образом, превращение свободной общины в крепостную не нарушает в основном хозяйственный распорядок общины. Мы видим дальше, что сохраняется общинный сход, который до того времени был важнейшим органом в деревне, который устанавливал хозяйственный распорядок в деревне, который являлся до известной степени политическим органом, поскольку через него государство требовало от населения деревни военной повинности, осуществляло раскладку податей.

Этот деревенский сход теперь превращается в сход поместный или вотчинный. Крестьяне собираются, как они собирались и прежде, но только под председательством господского приказчика. Они решают те же дела, что и раньше, но также и дела, касающиеся отбывания повинностей. И сам сельский сход делается теперь органом помещика, при помощи которого последний заставляет крестьян отбывать повинности. Община делается своего рода круговой порукой за отбывание повинностей. Целый ряд повинностей возлагается прямо на всю общину в целом. Когда появляется денежная рента, то она уплачивается всей общиной целиком, только потом община

разверстывает ее между своими членами. Затем, если та или иная повинность будет не выполнена, то отвечает за это цепиком община. Общинники выбирают из своей среды старосту, который стоит рядом с господским приказчиком. Этот староста является ответственным лицом общины перед сеньером за правильное отбывание повинностей; он отвечает лично и часто отвечает своим имуществом.

В то же время деревни, вновь возникающие в феодальную эпоху из крепостных, организовывались на общих началах, потому что община, как организация круговой поруки, представляет удобства для сеньера. Это вызвало теорию английского юриста Метланда, - к сторонникам этой теории относится и Допш, - о позднем происхождении общины, как органа феодального; община будто бы возникла именно, как организация круговой поруки, в соответствии с требованиями, которые феодалы "пред"являли к крестьянству.

Эта теория не выдерживает критики, потому что мы видим общину и там, где не было крепостного права или где крепостное право развивалось сравнительно слабо или настолько слабо, что оно не могло влиять на организацию крестьян. Например, в северо-восточной Англии, где нет типичного крепостного состояния крестьян. Мы имеем все основания выводить крепостную общину непосредственно из прежней свободной общины. Но община, во всяком случае, является организацией крестьянской, она представляет собой организованное крестьянство, которое имеет возможность дать отпор требованиям помещика. Если мы еще не имеем отчетливо выраженных крестьянских восстаний, то самая организованность общины усиливает силу сопротивления отдельного крестьянского двора, община сильнее, чем разрозненное крестьянство, сила пассивного сопротивления общины заставляет феодала с ней считаться. Таким образом, роль общины является ролью двойственною: с одной стороны, это орудие феодального принуждения и гнета, с другой стороны, община является организацией, которая противостоит феодалу, как организация крестьянства. На эту роль общины, как организации крестьянства даже в эпоху его феодального порабощения, указывал Энгельс.

-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-

Л Е К Ц И Я 17-ая.

Надо отметить и своеобразный юридический строй общины. Жизнь деревни, начиная с незапамятных времен, с эпохи родового строя, определяется обычаями. Обычай регулировал хозяйственные распорядки и права каждого отдельного крестьянина, которые заключались не только в праве владеть определенным участком, но и в праве на пользование пастбищем, лесом, речными лугами и всякого рода угодьями, принадлежащими общине. Сплошь и рядом у нескольких деревень были общие леса, общие пастбища, общие речные луга, и регулирование взаимоотношений между общинами и общинниками было делом очень сложным. Нужно было принимать во внимание ряд обычаев, устанавливавших, когда начинать возделывать землю, в каком порядке делить луга и т.д. Это был довольно сложный кодекс правил, который применялся к условиям данной местности, данной хозяйственной обстановки. Обычай устанавливал и порядок разрешения всякого рода столкновений и споров, возникавших внутри общины, всякого рода мелких проступков, которые не переходили в суд, а разрешались в самой деревне сельским сходом.

Этот обычай теперь, при господстве феодализма, превращается в обычай поместья, который является результатом фиксации отношений, возникших между общиной и господином. Те повинности, которые несли крестьяне в пользу господина, мало менялись из года в год, делаясь традиционными, обычными. В каждом случае обычай создавался специфическими местными условиями и вырабатывался в пределах отдельного поместья. Каждое поместье имело свой собственный обычай. Это не мешает нам за этими бесконечными вариантами усмотреть известное единообразие. Обычай устанавливался по показаниям самого сельского схода, крестьяне делали указания, какие повинности они должны нести. Такие расследования производились с давних пор, образцы их встречаются в каролингских полиптихах, и этот обычай ограничивал до известной степени сеньера и определял высоту ренты. Когда крестьянин должен был платить сеньеру те или иные взносы, то обычай ограничивал и их, определял число дней барщины в году и т.д.

Как мог выработаться в атмосфере внеэкономического принуждения и феодального подчинения обычай, регулировавший отношения между помещиком и крестьянами? Мы видим всюду, - правда, в более поздних памятниках, - два юридических момента, определявших положение крестьян: во-первых, это "voluntas domini" - воля господина, которая имеет значение закона, потому что государство не вмешивается в отношения между помещиком и

крестьянами и оно бессильно регулировать эти отношения. Во-вторых, -это " consuetudo " ,а в Англии " consuetudo maneriі " ,т.е. обычай манора, поместья. Как мог сложиться подобного рода обычай поместья? Для его образования мы можем видеть ряд предпосылок. Прежде всего не надо забывать, что крепостное крестьянство создавалось в основном из свободного крестьянства. Сюда, конечно, входили и другие разряды крестьян- прежние рабы, колоны, т.е. несвободные; но основная масса крепостных создалась именно из свободных крестьян- общинников. Известные элементы свободы не были вполне стерты феодальным гнетом. Община была организацией крестьянства, способной оказывать феодалу определенное сопротивление. В поместьях происходит непрерывная классовая борьба между сеньерами и крестьянами, даже если она не выражается непосредственно в виде восстания. Соотношением сил в классовой борьбе и определяется уровень феодальной ренты; способностью крестьян к сопротивлению помещику, с одной стороны, и силой давления и заинтересованностью помещика, с другой. Это -один момент.

Другим моментом, который определял уровень феодальной ренты, являлось господство натурально-хозяйственных отношений. Пока производство носит натурально-хозяйственный характер, пока продукт в основном производится как продукт потребления, размеры эксплоатации крестьян регулируются размерами потребляющего хозяйства помещика. Только незначительный излишек обычно отчуждался. Следовательно, эксплоатация при господстве натурального хозяйства ограничивалась пределом потребностей сеньера в съестных припасах и в предметах промышленности, словом тем, что Маркс назвал емкостью желудка феодала. Далее надо отметить момент, связанный непосредственно с самим феодальным способом производства. При этом способе производства феодальная рента не может быть больше прибавочного продукта, размеры прибавочного продукта кладут предел размерам феодальной ренты. Это вполне понятно, так как если феодальная рента превосходит размеры прибавочного продукта, значит она берется за счет необходимого продукта. Другими словами, феодальная рента, превышающая размер прибавочного продукта, ведет неизбежно к разорению крестьянского хозяйства, которое является базой всего феодального производства. Само господское хозяйство базируется целиком на крестьянском. Крестьянин со своими рабочими руками, со своим рабочим скотом и рабочим инвентарем нужен феодалу. Только имея исправное крестьянское хозяйство, феодал может рассчитывать на получение феодальной ренты. Таким образом, феодал был ограничен размером прибавочного продукта, который в эпоху Средневековья не мог быть велик, ввиду слабости тех-

ники, слабости производительности труда. Все эти моменты ограничивали размеры эксплоатации крестьянства, размер феодальной ренты и создавали все условия для образования традиции, обычая. Все отношения феодальной эпохи отмечены этой традиционностью, медлительностью развития, которая создает почву для образования обычая /Маркс, "Капитал", т. 3, ч. 2/. Если взглянуть на поместье в определенный отрезок времени, если не брать слишком больших эпох, то мы видим, что этот обычай остается неизменным, неподвижным. Ссылка на неизменность обычая, на то, что было раньше, встречается всегда в документах. Когда нужно установить какой-нибудь сомнительный случай, разрешить какой-нибудь спорный вопрос, то обычно сход выделяет несколько человек, которые обследуют вопрос и должны затем сказать, как поступали прежде по старине. Ссылка на старину является в таком случае решающей.

Но обычай складывался далеко неблагоприятно для крестьян. Правда, этот обычай фиксировал повинности крестьян; но тем самым он фиксировал и крепостное положение крестьян; он создавал для крестьян известные права, но в пределах крепостных отношений он фиксировал и их повинности и фиксировал их часто на тяжелых условиях.

Правда, когда помещик хотел повысить эти повинности еще больше, обычай мог дать крестьянину известную защиту, крестьяне ссылались на обычай, как на своего рода охрану своих интересов. Но в целом, в обществе, построенном по классовому принципу, в обществе антагонистическом, в котором класс феодалов является господствующим, обычай фиксировал лишь закрепощение, подчинение, эксплоатируемое положение крестьян. Таким образом, и в поместном обычае, как и в организации общины, было своеобразное единство противоречий.

В эту эпоху, которую мы рассматриваем, нам трудно дать какое-нибудь общее определение для господствующих форм феодальной ренты, но преобладают две формы: отработочная и продуктовая. Денежная рента еще только начинает развиваться. Обе эти формы постоянно встречаются рядом, как сосуществующие, причем в одном районе, в одном поместье господствует одна форма, в другом-другая. В основном схема смены форм ренты такова: сначала господствует рента отработочная, затем рента продуктами, и, наконец, денежная. Но эта схема определяет лишь общую линию развития. В каждом отдельном случае пути развития ренты часто бывали неодинаковы. Нередко рента продуктами возникает ранее и потом заменяется отработочной рентой. Мы встречаем такие отношения на почве иммунитета, когда господин сначала получал права на сбор пошлин и дани с населения, потом эти пошлины постепенно превращаются в ренту продуктами, а уже в дальнейшем в ренту барщинную, но в других случаях

барщина была исконной, например, когда крестьянство было вначале несвободным, либо рабами, либо полусвободными.

В эпоху между IX и XI веками мы видим значительное возрастание продуктовой ренты. Этот вид ренты связан очень часто с ростом сельско-хозяйственной техники, которая вызывает вместе с тем к жизни новые добавочные ренты. Для феодальной ренты характерно то, что по большей части она увеличивается не в виде количественного выростания прежних форм ренты, а в виде присоединения к старой ренте новых, добавочных рент на основе новых юридических титулов. В списке повинностей, которые должны отбывать крестьяне, вы увидите необычайное увеличение их количества в течение сотни лет. Без резкого разрыва со старой традицией постепенно прибавляются все новые и новые ренты, связанные с теми или иными хозяйственными изменениями, и по мелочам достигают больших сумм. Например, происходит замена ручных жерновов сначала водяными мельницами, а затем ветряными. Эти мельницы представляли собой собственность феодала. Только феодал мог заводить эти, сравнительно дорого стоящие сооружения. Крестьяне допускались к пользованию мельницей за определенный взнос мукой или зерном, а затем этот помол на господской мельнице делался обязательным. Крестьяне были обязаны молоть свое зерно на господской мельнице и уплачивать за это определенный взнос. В районах, где выделывалось вино, крестьяне обыкновенно отжимали виноград ногами. Позднее в господском хозяйстве заводится пресс для вина, этот пресс предоставляется крестьянам за определенную плату, а потом становится обязательным отжимать крестьянское вино на господском прессе. Равным образом заводится печь для печения хлеба и крестьяне обязаны печь свой хлеб, давая помещику определенную плату. Каждый шаг вперед в развитии техники связывается с усилением повинностей крестьян. Эти баналитеты/так называлось право на мельницу, на пресс, на печь и т.д./ вызывали новые поборы с крестьян.

Обычными уплатами феодальной ренты не ограничиваются все поборы с крестьян. После смерти крестьянина феодал, как правило, получает с крестьянина часть его имущества. Было даже такое правило, по которому несвободный крестьянин, особенно крестьянин, принадлежащий к рабскому состоянию, должен был все свое имущество отдавать помещику. Юридически помещик владел всем имуществом крестьянина, но поскольку помещику важно было, чтобы крестьяне сидели на его земле, он предоставлял ее им в пользование.

Однако, наследование земель было связано с особыми поборами. После смерти крепостного господин получает лучшую голову скота и др. Этот побор в Англии назывался " гериет" и позволял, таким образом, от-

брать в пользу помещика лучшие головы рабочего скота. Наследник крестьянина при вступлении во владение должен был уплачивать допускную плату за право вступить во владение этим наделом. Если крестьянин женил своего сына или выдавал дочь замуж особенно если происходила передача в другое поместье, то он платил в пользу помещика выкуп кровь "маркет", это был один из обычных признаков крепостного права. Крестьянин не имел права отчуждать свой надел, ни даже части его, без разрешения помещика. Это вполне понятно, поскольку феодал был заинтересован в том, чтобы крестьянский надел не делился. Поэтому, как правило, устанавливается закон единонаследия, по которому каждый крестьянский надел делается неразделимым и передается по наследству одному сыну; в Англии, например, он передавался младшему сыну. Отчуждение надела, как тяглового единицы, могло происходить только с разрешения феодала, причем за это разрешение брался также определенный побор. Продавать свой скот крестьянин мог также только с разрешения феодала. Вообще, на крестьянскую торговлю были наложены феодалами всевозможные ограничения и пошлины. Например, если крестьянин варил пиво и продавал его, то сеньер опять-таки брал за это побор в свою пользу.

Мы должны отметить здесь еще ряд других платежей, которые связаны с поместным сходом или поместной куриёй. Эти поместные курии или поместные сходы были местом, где происходило судебное разбирательство дел, связанных с нарушениями прав помещика. Здесь за всякого рода потравы, произведенные на господской земле, плохое отбывание повинностей, неявки на барщину и т.д. сеньер взимал штрафы в свою пользу. Затем, там разбирались столкновения между крестьянами, драки, споры за земли, происходившие между крестьянами, и за все это опять-таки уплачивался штраф в пользу помещика. Помещик также смотрел за нравственностью крестьян. Если крестьянская девушка, не будучи в браке рожала, то помещику за это тоже уплачивалась определенная пошлина. Такого рода поборами крестьяне были обложены со всех сторон. Я указывал, что развитие техники увеличивало эти поборы. Например, когда помещик переходит к системе удобрения своего поля, крестьяне обязаны собирать на своих дворах навоз и возить его на помещичью землю. Особенно была тяжела извозная повинность, а она растет по мере того, как растет связь господского хозяйства с рынком. Путем всевозможных поборов, второстепенных, мелких, связанных с условиями роста хозяйственной техники и с условиями внутренней жизни поместья, крестьяне вынуждены были уплачивать сверх обычных повинностей, [illegible] consuetudines [illegible] in taxate [illegible], которые че

были точно фиксированы, но которые вырастали в очень значительную сумму. Постепенно помещик начинает накладывать свои руки на общественный лес, на общественные пустоши. Часть их он начинает обращать в свое пользование, отбирая от крестьян, которые там пасут свой скот или пользуются этими угодьями. Начинают взиматься всякие дополнительные сборы, как бы за пользование землей помещика. Таким образом, consuetudo - обычай не является непреодолимой преградой к росту феодальной ренты. Но это не мешало возможности накопления для непосредственного производителя. Маркс в III томе "Капитала" указывал, что развитие производительных сил в феодальном обществе происходит в первую очередь в крестьянском хозяйстве. Именно в крестьянском хозяйстве повышается производительность труда, и крестьянство получает большее количество продуктов. Между тем рента отличается традиционной неподвижностью, рост ее является очень медленным, и этот рост не успевает за ростом прибавочного продукта. Таким образом, между размерами прибавочного продукта и размерами феодальной ренты образуется известная разница, которую крестьянин может оставить у себя. Так создается возможность накопления у крестьянства уже в эпоху ранней стадии феодализма, в дальнейшем эта возможность еще увеличивается. Мы видим при рассмотрении хозяйства народницкой эпохи, что уже тогда появляется денежная рента, т.е. появляется связь крестьянского хозяйства с рынком. Известная часть крестьянского продукта уже производится как товар, крестьянин частично становится простым товаропроизводителем, имеет возможность извлекать известные выгоды из связи с рынком, накоплять и оставлять в своих руках прибыль. Но все это сказывается чрезвычайно шатким и проблематичным в условиях крепостного права, в условиях феодальной зависимости крестьян. Хотя феодал и связан поместным обычаем, но связанность эта не является для него обязательной. Таким образом, по мере того, как у крестьян растут так или иначе накопления, по мере того как они начинают являться товаропроизводителями, борьба крестьянства с феодальным режимом, с крепостной зависимостью все более и более обостряется.

Я дал характеристику феодальной ренты и взаимоотношений между помещиком и крестьянином в процессе производства. Но мы должны принять во внимание целый ряд моментов, которые нарушали эту жизнь, которые вмешивались со стороны в производственный процесс. Это - непрерывные войны, постоянные столкновения между феодалами, создававшие неустойчивость хозяйства. Средневековая деревня знала постоянные голодовки, постоянные неурожаи. При слабом развитии техники

крестьянское хозяйство имеет крайне незначительные запасы. Большая часть урожая, которая могла бы составить крестьянский запас, отбирается феодалом. Поэтому, как правило, у крестьян запасов не было. Неурожайный год вызывал бедствие, а если были случаи двух неурожаев подряд, то начинался форменный голод. Целые деревни снимались с места и уходили куда глаза глядят, бывали случаи людоедства, отмеченные летописью. Правда, тут нередки случаи преувеличения, но самый факт не подлежит сомнению. При этом господство натурально-хозяйственных отношений мешало подвозу хлеба в пораженные голодом местности и затрудняло положение. Крестьянство не располагало денежными средствами, а в случае голода цены на хлеб возрастали. Некоторые крупные феодалы и монастыри, которые имели запасы хлеба, пользовались голодом для распродажи хлеба по спекулятивным ценам. Правда, феодалы были заинтересованы в сохранении крестьянского хозяйства и поэтому они давали крестьянам семена, скот, зерно с тем, чтобы их хозяйство могло оправиться. Широко практиковалась раздача хлеба под видом благотворительности. Особенно щедры были в этом отношении монастыри. Но эта благотворительность не оставалась безвозмездной. Полученную ссуду в виде зерна, скота и т.д. крестьяне должны были отработать на полях монастыря или светского сеньера и, таким образом, в результате голода, вызванного войной или неурожаем, крестьяне еще более закабалялись за церковными или светскими сеньерами.

Говоря о тех моментах, которые нарушали нормальную хозяйственную жизнь средневековья, надо упомянуть еще об одном, - это, если можно так сказать, психологический характер феодала. Феодал, как правило, человек военный, грубый, привыкший к походам, совершенно некультурный, морально недисциплинированный, в условиях постоянных насилий, которые свойственны тому времени, он приобретал особые черты характера, был всегда готов к отпору, был всегда готов применить грубую силу, чтобы оградить свою жизнь и неприкосновенность своего имущества. Он вспыльчив, несдержан, волнуем сильными страстями, - таковы черты, которыми награждает феодала тогдашняя эпическая литература.

Иметь такого хозяина, конечно, было чрезвычайно опасно. Феодал далеко не всегда считался со своими материальными выгодами, которые заключались в том, чтобы сохранить крестьянское хозяйство, являющееся базой его собственного хозяйства, он мог в припадке гнева или просто по прихоти разорить крестьянское хозяйство, вытоптать крестьянское поле своей охотой/феодалы были великие охотники/. Поэтому приходится говорить не только о моментах, характеризующих производственные отношения между феодалом и крестьянством, но и принимать в расчет всю совокупность отношений, в

каких протекала в это время жизнь крестьянина. Описания крестьянской жизни того времени рисуют эту жизнь крайне скудной. Даже зажиточные крестьяне живут в курных избах, без окон, в одних помещениях со скотом. В этих условиях в деревне- постоянные болезни, эпидемии, эпизоотии; и полное отсутствие средств борьбы с этими бедствиями, кроме богослужений, колдовских заговоров и т.д. В историографии, особенно в немецкой, чувствуется идеализация положения средневекового крестьянства. Сеньеры в ней-добрые господа, крестьянство ведет сытую и довольную жизнь. Источником для этого взгляда являются некоторые описания помещичьей жизни, главным образом, то, что относится к угощению крестьян во время барщинных работ. Там описывается то, что должны получить крестьяне, когда они работают на господском поле. На первое мясо, на второе рыбу, затем столько-то хлеба. Подробные описания говорят, какого размера должен быть кусок мяса. Он должен на два пальца выходить за края тарелки, или например, крестьянка должна получить кусок хлеба величиной с ее зад. Крестьяне могли получать за свой труд такое количество сена, которое они были в состоянии поднять на вилы, чтобы эти вилы не сломались. Говорится, что когда крестьяне ложатся спать после работы на господском поле, то должны играть музыканты. Из этого делается вывод, что крестьяне вели очень веселую жизнь и хорошо питались. Но ведь надо заметить, что это относится к так наз. помочам, когда вся деревня должна была работать у помещика, например, по сбору жатвы. Этим работам придавался характер праздника, тогда и угощение было праздничное и музыканты были. По этим описаниям можно составить представление о патриархальности отношений между крестьянами и феодалами, но не о постоянном крестьянском питании. В основном мы должны признать, что положение крестьян в феодальной деревне было тяжко.

Всякого рода идиллические картины являются безусловно тенденциозными и основанными на искусственном подборе и истолковании источников.

Надо еще прибавить к этому то, что крестьяне не представляли даже и в эту раннюю эпоху однородной массы. Постепенно начинают отслаиваться группы малоземельного крестьянства. Помещичье хозяйство нуждалось в определенном количестве крестьянских дворов, и помещики следили за тем, чтобы дворы не дробились. Крестьянский двор, не обеспеченный землей, орудиями производства, не годился в качестве об"екта феодальной эксплоатации. Помещик стремился по возможности сохранять нераздельность крестьянского двора. Вследствие этого часть крестьянства не полу-

чает дворов. Если в Англии, напр. наделы переходили к младшим сыновьям, то старшие сыновья оставались без надела; они могли уйти из поместья, но часть их оставалась в нем. Они получали небольшие участки пахотной земли, но не имели скота и инвентаря. Так, рядом с крестьянскими наделами, достаточно обеспеченными землей, возникает ряд мелких крестьянских наделов, имеющих обычно лишь небольшой участок земли под усадьбой и огородом и не имеющих у себя рабочего скота.

Это мелкое хозяйство выполняло определенные функции в феодальном хозяйстве. Такие крестьяне не могли, конечно, прокормиться на своем наделе, они принуждены были работать либо на господском поле, либо на поле более зажиточного односельчанина, который нуждался в дополнительной рабочей силе. В дополнение к барщинным работам крестьян феодальное поместье использовывало и этих малоземельных крестьян. Та , уже в раннюю сравнительно пору развития феодализма начинает возникать эксплоатация, основанная не только на внеэкономическом принуждении, но и частично на отделении производителя от условий производства. По мере того, как отработочная рента начинает вытесняться рентой продуктами, а потом рентой денежной, роль этих малоземельных крестьян все больше возрастает. Когда помещик отказывается от барщины для того, чтобы получить ренту продуктами или деньгами, то для обработки своего поля он вынужден использовать труд малоземельных крестьян. Эти малоземельные крестьяне являются нередко крепостными и обязаны за свои наделы платить помещику небольшую ренту. Они не являются вполне отделенными от условий производства, поскольку у них имеются хотя бы незначительные земельные наделы, но здесь, под покровом феодальных отношений, мы видим элементы, которые противоречат основному характеру феодального производства, зародыши, из которых впоследствии разовьются отношения капиталистического типа. Рабочий, которого мы видим в то время, является продуктом чисто феодальных отношений, и самое его возникновение связано с формами феодального производства, но он является элементом противоречия в феодальном способе производства, равным образом, как элементом противоречия является превращение крестьянина в простого товаропроизводителя. Это пока только зерна позднейших отношений, которые приходится констатировать на сравнительно ранней ступени.

Я указал, что особо нужно отметить отношения между церковными феодалами и крестьянами. Крупные монастыри и епископии считались лучшими хозяевами в смысле более широкой эксплоатации крестьянского труда. Именно на землях монастырей проводились самые тяжелые формы эксплоатации, главным образом барщинные работы. Монастыри были самыми упорными сторонниками барщины, они больше всех вы-

жимали из крестьян прибавочного труда и прибавочного продукта. Крестьянские восстания против монастырей и духовенства отмечены особым озлоблением крестьян.

Теперь я хотел бы сказать, как был организован господствующий класс в феодальную эпоху, т.е. как было организовано феодальное государство. Я уже указывал, что при феодализме мы видим момент рассеяния суверенитета, связь политических прав с земледелием. Каждый землевладелец является носителем политической власти по отношению к живущему на этой земле населению. Сложная система взаимоотношений между отдельными феодалами представляет собой то, что мы можем назвать феодальным государством.

Между IX и XI в.в. наблюдается крайнее ослабление королевской власти. После раздробления империи Карла Великого на четыре государства, о котором шла речь выше, шел непрекращающийся процесс дальнейшего дробления. Трудно уже говорить в IX [illegible] и особенно в X столетиях о Франции, особенно об Италии, о Бургундии, как о единых политических телах. Каждое из этих государств распалось на ряд отдельных феодальных владений, причем значительная часть этих владений составлялась из прежних административных округов, на которые распадалась еще франкская монархия. Во главе их стоят прежние королевские чиновники, герцоги, графы, маркграфы, и все это-должностные лица, которые из агентов королевской власти, какими они были раньше, превратились в наследственных владельцев своей должности, когда Керсийский капитулярий 877 г. окончательно закрепил за ними фактически уже давно перешедшие в их руки права. Каждый такой герцог, граф, маркграф стал в своем герцогстве, графстве или маркграфстве почти самостоятельным государем.

Королевская власть в это время во Франции была совершенно ничтожна. Король владел непосредственно только своим доменом, т.е. теми землями, которые принадлежали ему лично, и своими непосредственными вассалами мог считать только своих рыцарей. Что касается владельцев крупных округов, то они уже были независимыми государями. В IX столетии окончательно утверждается наследственность не только должностей, но и феодов. Само слово - феод- в это время становится обычным для обозначения владения. Отдельный феод представляет , в сущности, то же самое, что бенефиций, - это земельное владение, за которое его владелец должен был нести в пользу своего короля или сеньера определенную службу. Только бенефиций давался на время службы и не был наследственным, а феод был наследственным, хотя тоже условным владением. Все феодальное общество выстраивается теперь в очень сложную систему личных и поземельных отношений. Его обыкновенно представляют в виде феодальной лестницы. На верхушке этой

лестницы стоит король: фактически он может быть и не стоит на этой верхушке, но юридически король является сюзереном, верховным сеньером всех владельцев данной страны. Как феодал, он владел поместьями, крепостными, у него были свои мелкие вассалы, рыцари, он в своих личных владениях был одним из крупных сеньеров-не более того. Но кроме того у него был ряд других прав. Он был прежде всего сюзереном по отношению к крупным феодалам своей страны. Все графы, герцоги, маркизы- все они держали свои владения юридически непосредственно от короля и были его вассалами. Их владения представляли собой феоды, за которые они должны были нести королю службу. Их отношения выражались в том, что вассал обязан был своему сюзерену верностью, он приносил ему присягу в верности, так наз. Оммаж /Hommage/. Это слово происходит от латинского слова "Homo" и означало феодальную клятву. В торжественной церемонии вассал должен был преклонить колени перед королем и вложить свои руки в его руки. Король должен быть поднять его и поцеловать. Эта церемония считалась унизительной, и многие крупные феодалы старались ее избежать. Тот, кто исполнял эту церемонию, делался "человеком", т.е. вассалом своего сеньера. При этом он обязывался нести за свой феод или фиеф определенные повинности, прежде всего обязанность являться на призыв сеньера со своими вооруженными людьми. Военная служба вассала сеньера обыкновенно ограничивалась 40 днями в году. Затем был ряд других обязанностей, которые назывались: совет и помощь- consilium et auxilium. Они заключались в обязанности посещать курию своего сеньера. Каждый вассал должен был являться ко двору сеньера, составлять его свиту и принимать участие в судебных делах между вассалами. Все дела между вассалами разбирались в курии сеньера. Все вассалы, держащие непосредственно от короля свои феоды, были обязаны нести эти судебные повинности. Вассалы, которые зависели непосредственно от короля, считались парами, т.е. равными /от слова pares /. Курия-это суд равных, суд лиц, которые находятся на равных ступенях феодальной лестницы. Все дела между ними разбирались в этих судах. Они составляли также и консилиумы. Последнее не было привилегией, а являлось обязанностью, ибо на этих совещаниях или консилиумах принимались решения, обязательные для всех, кто принимал в них участие. Другая обязанность - auxilium - помощь, кроме военной службы, заключалась в обязанности материально поддерживать своего сеньера в трех феодальных случаях: когда сеньер попадал в плен, посвящал в рыцари своего старшего сына и выдавал старшую дочь замуж, его вассалы обязаны были ему сделать денежные приношения, оказать ему денежную помощь.

Феод был хотя и наследственным, но зависимым от сеньера владением. Поэтому после смерти вассала земля юридичес-

ки переходила в руки сеньера, который снова передавал ее наследнику феода. Пока земля находилась в руках сеньера, он получал с нее доход. Если наследник был несовершеннолетним, то сеньер получал право опеки над его феодом, т.е. имел право брать доходы с этого феода, пока наследник не станет совершеннолетним и не принесет своему сеньеру присяги и не вступит в число его вассалов. Если умерший вассал оставлял наследницей дочь, то опека над дочерью переходила к сеньеру, и сеньер имел право выдать ее замуж за кого-нибудь из рыцарей, которые несли бы все повинности с этого феода. Это превращалось нередко в торговлю наследницами, особенно когда умирал и оставлял дочь-наследницу очень богатый вассал, владелец крупного феода, и многие желали завладеть этим наследством путем брака с наследницей. Поэтому сеньер обычно выдавал ее замуж за того, кто внесет соответствующую плату за замужество. Наследница должна была выйти замуж за того, кого укажет сеньер, в том случае, если ей было не меньше 12 и не больше 60 лет. Но надо сказать, что это правило соблюдалось очень плохо. Мы встречаем торговлю малолетними наследницами феода. Выдавали замуж девочек 4 лет от роду, если находился претендент, который уплачивал сеньеру хорошую плату и таким образом завладевал феодом. В эпосе нередко отмечается, что сеньер отдает своему вассалу в виде награды первую освободившуюся вдову или наследницу. Но нередки случаи, когда вдова или дочь сеньера не сразу выходит замуж. Тогда она несет обязанности, лежащие на феоде, вплоть до военной службы. В обстановке той эпохи воспитывались суровые характеры и у женщин. Мы видим настоящих воительниц, которые принимали непосредственное участие в битвах, в осадах и в защитах замков. Обязанность защиты замка лежала не только на вдове или дочери сеньера, но и на жене в отсутствие ее мужа. Главная обязанность состояла в том, что бы выставить со своего феода определенное количество войска. Это могла выполнить и женщина. Когда наследник вступал во владение феодом, он кроме принесения присяги-Hommage-уплачивал relevium , определенную сумму в качестве платы за вступление во владение.

В сущности, отношения между сеньером и вассалом были договорными отношениями. Феодал мог не принести присягу, он мог не вступить во владение феодом, это было не обязательно. Но если он принимал владение феодом, то он обязан был принести присягу и нести повинности, связанные с феодом. Благодаря этим отношениям все феодальное общество было построено по типу своеобразной феодальной лестницы. Верховным сюзереном был король. Затем шли крупные герцоги, графы и т.д., которые держали свои владения от короля. У них были свои вассалы, иногда носившие титул баронов. Эта феодальная лестница могла быть очень высокой, между королем и нижним членом этой лестницы мог стоять целый ряд предшествующих звеньев

Каждое из этих звеньев было вассалом по отношению к высшим и сеньером по отношению к тем, кто стоял ниже его.

Вся эта сложная лестница и была тем, что можно было бы назвать феодальным государством. Эти отношения взаимной службы, покровительства, отношения вассалитета были той организацией, которая связывала феодальное общество. Эта сложная связь давала обществу известное единство, но единство это часто бывало кажущимся. Очень часто вассалы были сильнее самого сеньера и вовсе не склонны были ему повиноваться.

-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-

Мособлгорлит №№: 16700, 18051, 18050, 1891 Тираж 500 экз.
Отпечатано в картопечатной мастерской МИИГАиК. Гороховский пер. 4.